

Ричард Львиное Сердце от Бена Кейна честно завоевал
сердца своих приверженцев.

The Times

БЕН КЕЙН ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Великолепный эпос, наполненный летящими стрелами
и брызгами крови. Облачитесь в кольчугу,
прежде чем начнете читать.

Пол Финч

The Big Book. Исторический роман

Бен Кейн

Львиное Сердце

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кейн Б.

Львиное Сердце / Б. Кейн — «Азбука-Аттикус», 2020 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-22233-5

Конец XII века, время расцвета Анжуйской империи, созданной Генрихом II. В составе империи – Англия и добрая половина Франции. Враги трепещут перед Генрихом, однако в его семье нет мира – сыновья постоянно восстают против воли отца и ссорятся между собой. Кто из них получит по наследству корону: легкомысленный Хэл, воинственный, но вспыльчивый Ричард, лукавый Джеффри или инфантильный Джон? Из покоренных земель Ирландии в Англию прибывает заложником ирландский юноша О Кахойн, которого победители за рыжий цвет волос прозвали Руфусом. Здесь он встретится с одним из самых легендарных воинов в истории, Ричардом Плантагенетом по прозвищу Львиное Сердце, – чтобы стать его оруженосцем, а затем и рыцарем и вместе с ним принять участие в десятках битв. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22233-5

© Кейн Б., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Список персонажей	8
Пролог	10
Часть I. 1179 год	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	49
Часть II. 1182–1183 годы	60
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бен Кейн

Львиное Сердце

Ben Kane

LIONHEART

Copyright © Ben Kane, 2020

© А. Л. Яковлев, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Джо Шмидту, выдающемуся тренеру по регби, с глубочайшим уважением.

Вопреки разочарованию в Японии, вы и ваше наследие надолго останутся в памяти ирландских фанатов регби. Желаю вам большого счастья и успехов в будущем, и если добрая удача сведет нас однажды – выпивка за мой счет!

(P. S. Не могу вообразить более подходящего названия для книги, которую посвящаю вам.)

Список персонажей

(Помеченные звездочкой (*) являются историческими личностями.)

Фердия О Кахойн / Руфус, ирландский дворянин из северного Лейнстера.

В Стригуиле:

Роберт Фиц-Алдельм, Сапоги-Кулаки, рыцарь.

Ричард де Клер, граф Пемброкский (покойный)*.

Ифа, его вдова*.

Изабелла, их дочь*.

Гилберт, их сын и наследник*.

Рис, мальчик-сирота из Уэльса.

Хьюго, Уолтер, Реджинальд и Бого, оруженосцы.

Большая Мэри, прачка.

Фиц-Варин, рыцарь, друг Роберта Фиц-Алдельма.

Жильбер де Лиль, посланец герцога Ричарда.

Гай Фиц-Алдельм, рыцарь, брат Роберта Фиц-Алдельма.

Члены Анжуйского дома и их приближенные:

Генрих II, король Англии и Анжу*.

Алиенора (Элинор) Аквитанская, его жена*.

Генрих, Молодой Король, старший из выживших сыновей Генриха II*.

Ричард, герцог Аквитанский, второй сын Генриха II*.

Джефри, граф Бретонский, третий сын Генриха II*.

Джон Безземельный, младший сын Генриха II*.

Матильда, одна из дочерей Генриха, замужем за Генрихом Львом*, бывшим герцогом Саксонским и Баварским.

Алиенора, Жюветта – служанки Матильды.

Беатриса – служанка королевы Алиеноры.

Жоффруа – незаконнорожденный сын Генриха II, его канцлер*.

Жоффруа де Брюлон, рыцарь*.

Морис де Краон, рыцарь*.

Хавиза Глостерская, невеста принца Джона*.

Двор Ричарда:

Андре де Шовиньи – рыцарь и кузен герцога Ричарда*.

Джон де Бомон, рыцарь.

Джон де Мандевиль, Луи, Хорек Джон, оруженосцы.

Филип, оруженосец и друг Руфуса.

Овейн ап Гриффит, валлийский рыцарь.

Ришар де Дрюн, английский жандарм.

Двор Молодого Короля:

Уильям Маршал, рыцарь*.

Адам д'Икбеф, рыцарь*.

Тома де Кулонс, рыцарь*.

Балдуин де Бетюн, рыцарь*.

Симон де Мариско, рыцарь*.

Элоиза де Кендал, подопечная Уильяма Маршала*.

Жослен, оруженосец Уильяма Маршала*.

Жан д'Эрле, оруженосец Уильяма Маршала*.

Прочие персонажи:

Филипп Капет*, король Франции, сын короля Людовика* (покойного).

Бертран де Борн, трубадур*.

Граф Вульгрин Тайлефер Ангулемский*.

Матильда, его дочь*.

Вильгельм и Адемар Тайлеферы, братья Вульгрин*.

Граф Эмар Лиможский, их сводный брат*.

Филипп, граф Фландрский*.

Вильгельм де Барр, один из рыцарей Филиппа*.

Граф Раймунд Тулузский*.

Граф Гуго Бургундский*.

Петр Сейян, близкий советник графа Раймунда*.

Пролог

История помнит великих. Королей, императоров, пап. Простые люди вроде меня или вас сходят в могилу безымянными. На наших похоронах не прочтет молитву архиепископ, над местом упокоения не возведут величественной гробницы. Однако некоторые из нас были там, когда судьба королевств висела на ниточке, когда почти проигранная битва оборачивалась торжеством. Позабывтые монахами-писцами и хронистами, мы помогали великим торить тропу к славе и вечной памяти.

Сейчас я сед и согбен, но в свои дни работал мечом бок о бок с лучшими из воинов. Весь христианский мир знает Ричарда, короля Английского, герцога Нормандского, графа Бретонского и Анжуйского, по прозвищу Львиное Сердце. Лишь горстка людей слышала о его рыцаре Руфусе, почти никто – о Фердии О Кахойне. Это меня не заботит. Я служил Ричарду не ради богатства или славы. Верность сделала меня его человеком, и я остаюсь им, хотя король мертв уже тридцать лет, да упокоит Господь его душу.

Глаза мои затуманились, мускулы одрябли. Некогда мне было в радость надеть кольчугу и скакать на боевом коне, теперь же я рад доковылять до скамейки у двери и погреть на солнце старые кости. Смерть скоро приберет меня, не в эту зиму, так в следующую. Я буду готов, молюсь только, чтобы монахам хватило времени записать мою историю так, как она есть, прежде чем я испущу дух.

Три раза по двадцать и еще десять лет – это дольше, чем отпускается большинству людей. Жизнь моя была богата событиями. Я познал радости истинной любви, чего многим не дано. С разрывающимся от радости сердцем прижимал к груди своих новорожденных – сыновей и дочь. У меня были братья по оружию, ставшие ближе братьев по крови. Мне доводилось знать печали и даже трагедии, и что это, как не испытания, посылаемые Всевышним, дабы закалить нас? Все, что может человек, это снова взвалить на плечо свою ношу и идти дальше.

Говорят, пути Господни неисповедимы, и это воистину справедливо в отношении моей судьбы. Из малоизвестной округи в Ирландии меня забросило в Англию, где я поступил на службу к величайшему воителю нашего времени – Ричарду Львиное Сердце. Вместе мы осаждали замки и сражались в дюжине битв. Я проливал за Ричарда кровь, свою и чужую. Вынужден признать, что ради него мне довелось даже стать убийцей. Я исповедался в этих грехах, но внутренне не раскаялся в них. Да простит меня Господь, но я убил бы этих людей снова, будь у меня силы.

Нужно вернуться к рассказу, а то мы до захода солнца будем говорить о моей душе. Я присутствовал при последней встрече Ричарда с его отцом Генрихом, был в Вестминстерском аббатстве, когда на него возлагали корону. И едва не погиб на Кипре, спасая его королеву. При Арсуфе мы дрались плечом к плечу и одолели Саладина, а вскоре после того дошли почти до врат Иерусалима. Когда Ричарда предали на обратном пути из Святой земли, я делил с королем темницу. Я помогал ему вернуть то, что прибрал к рукам его поганый братец Джон. Он тоже мертв, как и Ричард, и, милостью Божьей, корчится в адском пламени.

Но я забежал вперед, почти поведав конец истории, хотя еще не приступил к началу. Читатель, ты, возможно удивишься, узнав, как ирландец служил английскому королю. Хвала святым, что мой отец умер, ничего не зная об этом. Сожалел ли я когда-нибудь о своем выборе? Пожалуй, да, и не раз. Но однажды данная клятва становится священной, а выкованные в боях узы товарищества неразрывны. Возможно, я несу чушь. Простите старику его болтовню. Давайте вернемся на полвека назад и начнем нашу повесть с начала...

Часть I. 1179 год

Глава 1

Десять лет минуло с тех пор, как бывший подлый король Лейнстера, Диармайт Мак Мурхада, призвал англичан в Ирландию. Полного завоевания не произошло, но серые чужестранцы, как мы их называли, все-таки взяли верх. Доказательством тому стали вместе с полоской земли вдоль восточного побережья вассальные клятвы, данные множеством ирландских королей английскому Генриху. Сокрушительный удар нашим надеждам был нанесен четыре года назад, когда король Руайдри Коннахтский тоже присягнул.

Отец мой происходил из мелкопоместной знати северного Лейнстера и, после того как Диармайт заключил союз с англичанами, предложил свои услуги Руайдри. Разъяренный поступком Руайдри, который он считал изменой, отец совершил неосторожный шаг, пристав к королю Ольстера, нашему давнему врагу, пока что не покорившемуся чужакам. Неудачный выбор. Когда враги пришли грабить наши земли, Ольстер не откликнулся на призыв о помощи. Сражались мы храбро, но нас задавили числом.

Взятый в заложники для того, чтобы моя семья сидела тихо, я был отослан в Дублин. Оттуда крепкий когг понес меня на юго-восток, к облачному валлийскому побережью, сплошь усеянному замками. Оцепи землю подобными твердынями, размышлял я мрачно, и местным обитателям некуда будет податься, только принять последний бой, как это произошло с моими родичами. Снова перед глазами предстала атака английской рыцарской конницы: неудержимый вал, разметающий наших легковооруженных воинов.

Наше путешествие подошло к концу у берегов Англии, у оплота, называемого ими Стригуил. Служащий домом для семейства де Клер, он возвышается на утесе над рекой Уай – самый большой из виденных мною замков, могучая прямоугольная башня с опоясывающим вершину холма палисадом. Помимо этого, как я позже выяснил, крепость со всех сторон, кроме той, где протекала река, была окружена рвом. Внешне я никак себя не выдал, но в душе был потрясен. Если это родовое гнездо какого-то графа, донжон короля Генриха должен быть воистину впечатляющим. Англичане – не только опытные бойцы, подумал я, но и умелые строители. Опасения насчет того, что ирландским вождям и королям никогда не удастся сбросить захватчиков в море, нахлынули с новой силой. Я старался отогнать их, понимая, что, если тут нет надежды, мое положение становится совсем скверным. Мечта о победе над англичанами у меня на родине хоть как-то помогала выносить собственные невзгоды.

Девятнадцати лет от роду, выше большинства сверстников ростом, с копной густых волос на голове, я был крепко сложен, полон юношеского задора и знал в ту пору немного по-французски, но ни слова по-английски. С того дня, как суровый отец обрек меня на плен, я переживал трудные времена. Приняв близко к сердцу его напутствие – «Уступай, только если тебя вынудят, делай лишь то, что должен», – я отказывался подчиняться каким-либо приказам. В первый же день я обозвал грубого рыцаря, под пригляд которого был отдан, блохастым псом, чья мать подрабатывала на задних улочках Дублина, и не подумал о последствиях. В команде когда были ирландцы, и под давлением рыцаря они перевели ему мои слова.

Это оскорбление, нанесенное в первый день, доставило мне порку, которую я мужественно перенес – но получил не уважение, а новые побои и урезание порции провизии. Оглядываясь назад, я удивляюсь своему тупому упрямству и, что еще важнее, недалекости. К концу плавания я стал закадычным приятелем сапог и кулаков того рыцаря. Я готов был утопить мерзавца в море и даже сделать кое-что похуже, будь у меня оружие. Но, несмотря на

юношескую браваду, мне хватило ума понять, что тогда я последую за ним на океанское дно. Пришлось затаить ненависть до лучших, как я надеялся, времен.

– Руфус!

Так и не привыкший к имени, которое дал мне тюремщик, не способный, а скорее всего, не желавший научиться произносить мое настоящее имя – Фердия, – я не обернулся. Взгляд мой был прикован к фигурам на деревянной пристани у стен замка. Похоже, весть о нашем прибытии пришла раньше, чем корабль. Я понятия не имел, кто мог встречать нас, но уж точно не Ричард де Клер, один из вторгшихся в Ирландию аристократов. Слава богу, к тому времени он уже умер. Но и при жизни он не удостоил бы своим вниманием приезд столь ничтожного пленника, как я. Как и его вдова графиня Ифа, обосновавшаяся там после кончины супруга. Наслышанный о ее редкостной красоте, я согревался по ночам приятными грезами о ней, стараясь забыть о тонком одеяле и жестких досках палубы.

– Руфус, пес ты этакий!

Сапоги-Кулаки – такое прозвище я дал Роберту Фиц-Алдельму, тупоголовому рыцарю, возглавлявшему наш отряд, – явно злился.

Наконец ему удалось привлечь мое внимание. Я уловил имя Руфус и понимал, что значит chien¹. «Знатностью я не уступаю тебе», – мелькнула у меня презрительная мысль. Ребра все еще болели от последней трепки, но, упорствуя до конца, я продолжал смотреть на приближающуюся пристань и думал об Ифе, дочери Диармайта Мак Мурхада, короля Лейнстера, вдове Ричарда де Клера. Этой женщине предстояло решить мою судьбу.

– Руфус!

Я не обернулся.

В голове вспыхнула боль, зрение затуманилось. От сильного удара я покачнулся и навалился на одного из членов команды. Тот с проклятием оттолкнул меня, ноги мои подкосились, и я рухнул на палубу. Сапоги-Кулаки обрушился на меня с обычной неутомимостью, как всегда стараясь не попадать по лицу. Он был хитер как лис и понимал, что вышестоящие могут не одобрить расправ, которые он учинял надо мной после отплытия из Дублина.

– Areste!

Голосок был тонким, но властным. Он явно принадлежал девушке.

Я знал, что означает это слово: «Прекрати».

Сердце у меня колотилось. Больше ударов не последовало.

Девушка снова заговорила, сердито задав вопрос, которого я не понял.

Отвечая, Сапоги-Кулаки отошел от меня. Тон его был уважительным, но угрюмым. Слов я не разобрал.

Еще не оправившись до конца, я открыл глаза и огляделся. Линия шляпок от железных гвоздей. Щели в палубе. Внизу, в трюме, – слой грязной воды в несколько пальцев толщиной. Запахи мочи – кое-кто, вопреки приказу капитана, не желал мочиться за борт – и гнилой провизии. Мимо проходили сапоги и башмаки: первые принадлежали воинам, вторые – простолюдинам из судовой команды. Моток веревки. Днища бочек с водой, медом и солониной.

Сапоги-Кулаки не вернулся. Решив, что мне ничего не грозит, я потихоньку сел. Спалохи боли пронзали живот и спину, руки и ноги. Я старался утешиться тем, что единственной частью тела, которой от него не досталось, – не считая головы, конечно, – был пах. Я бросил взгляд на рыцаря: тот по-прежнему разговаривал с девушкой на пристани. Мы уже подошли к берегу, матросы управлялись с толстыми канатами, швартуя корабль. Встав и ухватившись за борт судна, чтобы не упасть, я посмотрел на девушку и удивился: по сути, она была еще ребенком. Девочка лет шести в платье темно-красного цвета, с наброшенным поверх него зеленым

---

¹ Собака, пес (фр.).

плащом, украшенным серебряной каймой. Длинные рыжие косы, чуть светлее моих волос, обрамляли серьезное овальное лицо.

Ее серые глаза остановились на мне. Отчего-то я заподозрил, что передо мной – дочь Ричарда и Ифы. Было совершенно непонятно, что она делает здесь одна. Я склонил голову в знак уважения, хотя и не испытывал его, и снова встретился с ней взглядом.

– Сильно досталось? – спросила она.

Я вытаращился. Девочка обращалась ко мне не по-французски, а на моем родном языке.

– Мама говорит, что не подобает ходить с открытым ртом. Да и муха залететь может.

Чувствуя себя дураком, я захлопнул челюсть.

– Мои извинения, – промямлил я. – Не ожидал услышать тут ирландскую речь.

– Мать заставляет нас учить. «Да, вы наполовину англичанки, – говорит она, – но также наполовину ирландки».

Чутье не подвело меня.

– Похоже, ваша мать – мудрая женщина. – Я выдавил из себя улыбку. – Отвечая на ваш вопрос, скажу, что кости вроде как не переломаны. – Меня подмывало бросить сердитый взгляд на Сапоги-Кулаки, который наверняка старался уловить смысл нашего разговора, но я почел за благо этого не делать. – Спасибо, что заступились.

Короткий кивок.

В этом маленьком ребенке угадывалась некая серьезность. Неудивительно, решил я, если учесть ее происхождение.

– Как тебя зовут? – последовал вопрос.

– Фердия О Кахойн.

К моему удивлению, она повторила мое родовое имя правильно, начав с твердого «к», с «х» вместо «тх» и с «эйн» в последнем слоге. Ее мать гордится своими ирландскими корнями, не без удовольствия подумал я.

Сапоги-Кулаки буркнул что-то по-французски.

– Он говорит, что тебя зовут Руфус. – Девочка вскинула голову. – И я вижу почему.

Я провел рукой по волосам, развеселившись вопреки боли.

– Мать говорит, что феи окунули меня, держа за пятки, в котелок с мареной, вот почему я такой рыжий. Видимо, вас они тоже чуть-чуть макнули.

Растеряв всю свою серьезность, девчушка рассмеялась.

– Я тоже буду называть тебя Руфусом! – Она заметила что-то на моем лице, и вид ее сразу переменялся. – Если, конечно, ты не против.

И снова вмешался Сапоги-Кулаки. Невзирая на плохое знание французского, мне удалось понять, что ему не терпится сгрузить меня с корабля. Воины уже находились на пристани и принимали щиты и оружие в свертках из кожи, которые подавали матросы.

Превозмогая боль, я перекинул ногу через борт и перебрался на причал. Сапоги-Кулаки сошел следом. Он указал на тропу, что вела через россыпь домов к крепостному палисаду, и снова заговорил по-французски.

«Вот зараза, – подумалось мне. – Придется учить их язык, иначе тут не выжить».

– Он хочет, чтобы я шел туда? – спросил я у девочки.

– Да.

Ее прежняя властность испарилась, она будто осознала, что ее могущество ограничено. Можно помешать моему избиению, но нельзя изменить мою участь пленника.

Я не обратил внимания на первый тычок в спину, который нанес Сапоги-Кулаки.

– Как вас зовут? – спросил я у девочки.

– Изабелла! – послышался женский голос откуда-то из-за палисада. Крик был пронзительный и полный тревоги. – Изабелла-а!

Озорная усмешка.

– Изабелла. Изабелла де Клер.

Инстинкт не обманул меня. Я повторно склонил голову, на этот раз охотнее: сердце у этой девчонки было на месте.

– Должен вас поблагодарить, – сказал я, понизив голос, чтобы ирландцы из команды корабля не расслышали меня, – за то, что вы не позволили этому амадану превратить меня в месиво.

Она хихикнула.

– Поосторожнее с Фиц-Алдельмом. Он может немного понимать по-ирландски.

– Ни слова он не знает. – Уверенный, что вскоре буду обедать в большом зале, я полу-обернулся. – Так ведь, амадан?

Сапоги-Кулаки, он же Фиц-Алдельм, насупился и пихнул меня вперед.

– Видите? – воскликнул я, обретая былую самоуверенность.

– Изабелла!

Женский голос теперь напоминал ведьмин вой.

– Это моя нянька. Пойду-ка я. – Девочка закатила глаза. Потом, подобрав юбки, чтобы не запачкать их на грязной тропе, побежала вперед. – Пока, Руфус!

– До свиданья, госпожа! – крикнул я ей вслед.

Впервые обращенное ко мне «Руфус» не вызвало у меня неприязни.

Радость моя оказалась короткой.

Сапоги-Кулаки от души врезал мне сзади. Я едва не упал ничком. Оправившись, я пошел вверх по склону под град ругательств. Изабелла, входившая в ворота замка, ничего не видела.

Я хотел было окликнуть ее, но не сомневался, что мои тяготы скоро окажутся в прошлом, и потому не стал шуметь. Если Ифа – справедливая женщина, решил я, то Сапоги-Кулаки получит как следует за такое обращение со мной.

Добравшись до ворот, к этому времени уже закрытых, я посмотрел на вершину палисада. Стена была высотой в три человеческих роста – достаточно близко, чтобы разглядеть рожу ухмыляющегося часового, и достаточно далеко, чтобы понять: брать стену приступом согласится только слабоумный.

– Ouvre la porte! – потребовал Сапоги-Кулаки.

«Открыть ворота», – догадался я. Нужно запомнить эти слова.

Рыцарь нетерпеливо обогнул меня и замолотил кулаками по доскам. Пусть и прочные, ворота оставались слабым местом в кольце укреплений. Впрочем, во время штурма защитники будут опорожнять на головы нападающих горшки с раскаленным песком, одновременно поливая дождем стрел с парпетов. Створка со скрипом отворилась, появился солдат в стеганом гамбезоне² и в кольчуге – явно невысокого ранга, так как он безропотно сносил брань, которую изрыгал Сапоги-Кулаки. Прозвучал вопрос. Мое ухо выхватило имя «Ева»: то же, что Ифа, но по-французски. Бросив на меня любопытный взгляд, солдат в ответ мотнул головой.

Мне некогда было рассуждать о смысле этого жеста: Сапоги-Кулаки пихнул меня в спину, давая понять, что нужно войти.

Мне доводилось бывать в бейли, как англичане называют дворы внутри замковых стен, но в таких просторных – никогда. Этот неправильный прямоугольник с одной стороны примыкал к двухэтажной каменной башне с пристройками – кухней и кладовыми. С другой стороны был палисад, там виднелись здания с покатыми крышами, которые я определил как казармы, конюшни и прочее. Народ сновал туда-сюда, но на меня никто не обращал внимания.

Кузнец в кожаном фартуке склонился над лошадиным копытом, подняв молоток, чтобы загнать очередной гвоздь в прилаживаемую подкову. Юнец в драной тунике держал лошадь

---

² Гамбезон – доспешная одежда из нескольких слоев плотной ткани.

под уздцы и ковырял в носу пальцем свободной руки. Дюжий мужик сгружал с задка телеги пузатые мешки с овощами и передавал другому мужику.

Из пустого конского стойла вышел крысолов, толкая перед собой шест на колесике. За ним тянулась стайка облезлых котов, внимание которых было приковано к полудюжине грызунов, привязанных хвостами к шесту. Кучка жандармов³ расположилась у бревенчатого колодца. Солдаты передавали по кругу баклагу с вином и глазели на молоденькую служанку, достававшую из колодца ведро с водой.

Воздух был насыщен запахами: конский помет, дым от горящих поленьев, наконец, аромат пекущегося хлеба. В животе у меня заурчало: страсть как захотелось отведать свежего, только из печи, каравая, приправленного маслом и медом. Истекая слюной, потому как в последнее время мне и близко не доводилось пробовать ничего подобного, я отогнал соблазн.

– *Cette direction*⁴.

Сапоги-Кулаки указал поверх моего плеча на дверь в основании башни. В его голосе я уловил нетерпение, и сильный толчок в спину подтвердил правильность моей догадки.

Сверху донесся женский голос, жалобный и строгий одновременно. Мои глаза поднялись к лестнице, поднимавшейся от земли к богато украшенной двери в стене башни. Миниатюрная фигурка – Изабелла, легко узнаваемая по зеленому плащу, – достигла верхней площадки, где ее поджидала пышнотелая женщина. Судя по грозящему пальцу и бесконечному брюзжанию, это была нянька.

Мне очень хотелось, чтобы Изабелла повернулась, увидела меня и приветливо помахала рукой. И снова я едва не окликнул ее, но Сапоги-Кулаки опередил меня, отвесив затрещину. Пришлось прикусить язык. Определенно, что-то тут было не так. Я обшарил двор глазами в поисках кого-нибудь из вышестоящих, майордома⁵ или рыцаря, но никого не нашел. Я старался идти как можно медленнее, однако толку от этого не было. Вскоре мы подошли к двери зловеющего вида. Рыцарь отпер ее массивным железным ключом, и меня втокнули в темное, сырое пространство.

Когда глаза привыкли к сумраку, я осмотрелся. Колонны из бревен, толще человеческого туловища, выстроились на расстоянии дюжины шагов друг от друга, поддерживая потолок комнаты – видимо, большого зала. По боковым стенам с обеих сторон шли двери. Я решил, что они ведут в кладовые, хранилища и тюремные камеры. Относительно последнего я уж точно был прав: Сапоги-Кулаки подтолкнул меня к дверному проему, разверстому, как зев гробницы. Я встал как вкопанный. Да, я не родич короля вроде Ифы, но и не какой-нибудь висельник. Мне полагались апартаменты получше.

Раскрыв рот, чтобы возразить, я повернулся к рыцарю.

Он ждал своего часа. Правый его кулак, сжимавший, как стало известно позже, тяжелое железное кольцо, описал дугу и врезался мне в подбородок. Я даже не помню, как упал на пол.

---

³ *Жандарм* – в Средние века так назывались тяжеловооруженные воины, как конные, так и пешие.

⁴ В эту сторону (*фр.*).

⁵ *Майордом* – управляющий дворцом, одна из важнейших должностей в феодальном обществе.

Глава 2

Что сказать о последовавшем за этим жутком отрезке времени? Признаюсь честно, я утратил представление о том, как долго я пробыл в той адской дыре. Тогда мне показалось, что прошла вечность, а на самом деле, как позже сообщили мне, чуть больше седмицы. Поскольку от утоптанного земляного пола меня отделяло лишь тонкое шерстяное одеяло, я постоянно мерз. Я даже готов поспорить, что тамошний холод не уступал тому, что царит в продуваемом всеми ветрами монастыре на Святом острове, о котором я слышал от монахов. Чтобы согреться, я постоянно расхаживал по камере размером шесть на шесть шагов. Я пробирался от двери до задней стены и поначалу выставлял перед собой раскрытые ладони, чтобы не врезаться в камень, а потом, освоившись, плотнее прижимал обеими руками накинутое на плечи одеяло.

Полная темнота стала моим миром. Течение времени отмечал только приход воина с едой и пивом. Понятия не имею, как часто он приходил, судя по урчанию в животе – раз в день. Еще реже один из моих тюремщиков менял полное отхожее ведро на пустое.

За время этих кратких посещений тусклый свет просачивался в мою камеру через внешнюю дверь и цокольное помещение. Почти ослепший, но отчаянно рвущийся на свободу, я поначалу встречал стражников возмущенными протестами: мне-де не место здесь, хоть я и заложник, но как-никак из благородного сословия. Понимали они мою жуткую смесь из ирландских и французских слов или нет, сказать не берусь: воины или смеялись, или молчали в ответ. Вскоре я приучился держать язык на замке, потому как после нескольких таких попыток мне нанес визит Сапоги-Кулаки. Сунув факел в скобу у двери и поставив поблизости солдата с мечом наголо на случай моего сопротивления, он как следует отдубасил меня. Меня подмывало дать сдачи, попытав счастья в бою с двумя противниками. Но я понимал, что это пустая затея. Принимая удары, я сжался в комок, твердя себе, что лучше уж выжить, пусть с синяками и голодным, чем сдохнуть в тюрьме из-за отбитых потрохов.

На следующий день он вернулся, когда стражник принес мне еду, и повторил избиение. Очевидно, он выяснил у одного из ирландских матросов, что «амадан» означает «дурак», и пришел в страшную ярость. От удара ногой по голове я провалился в забытие. Не знаю, сколько я так пролежал, но когда очнулся, то почувствовал муку, какой в жизни не испытывал. При каждом вдохе внутри кололи иглы, намекая на пару треснувших ребер. Лицо покрывала корка из запекшейся крови. Я лишился одного из передних зубов, а живот болел так, словно кузнец со двора добрый час лупил по нему молотом. Клянусь святыми, Сапоги-Кулаки знал, как сделать человеку больно.

Я усвоил урок из этих трепок. С того раза при звуке приближающихся шагов я прижимался к дальней стене и ждал, когда откроется дверь. Осторожный, как дикий зверь, я смотрел, как котелок и чашку ставят на пол. И лишь когда снова воцарялась непроглядная тьма, подползал на четвереньках – да, прямо как голодная собака, – чтобы пожрать оставленную мне скудную пищу.

Один в темноте, избитый так, что не осталось живого места, окоченевший до костей, подыхавший от голода, я был в шаге от потери рассудка. Поначалу спасала молитва, но, не получая на нее ответа день за днем, ночь за ночью, я утратил надежду. Монахи привычны к посту и уединению, но их-то не держат в заточении. Их не лишают света настолько, что даже тонкий лучик слепит глаза, как сполох молнии. На них не испытывает свои умения такой негодяй, как Сапоги-Кулаки.

Забросив молитву, я вернулся в Ирландию, в отчую усадьбу, пытаюсь в своем воображении покинуть гнусную темницу. Я не рассказывал пока про дом своего детства в Кайрлинне. Он стоит на самом севере Лейнстера, на южном берегу длинного, узкого полуострова, по ту

сторону от которого расположен Ольстер. С тыла его подпирает крутая гора. Мы называем ее Шлиаб-Феа, англичанин произнес бы это как «Шлиав-Фей». Много раз погожими летними днями мы с приятелями взбирались на вершину и, жадно хватая воздух после гонки, смотрели поверх узкой полосы воды, отделяющую Кайрлинн от Ольстера. Когда вырастем, хвастались мы, то пойдем в набег на север за скотом, как делали отцы и деды. Ольстерские кланы всегда были нашими врагами – по крайней мере, так гласили легенды.

На время воспоминания помогли. Я сидел, прислонившись к стене, закутавшись в одеяло, и представлял, как сильные руки отца, мозолистые, со сломанными ногтями, но при этом нежные, показывают, как держать меч. Мать, наморщив от усердия лоб, учит мою младшую сестру вышиванию. Жаворонок курлычет над Шлиаб-Феа жарким летним днем. Доносится соблазнительный запах макрели, пойманной в бухте и обжаренной в масле, или хлеба, только что вынутого из печи. Мужчины и женщины пляшут вокруг больших костров в самую короткую ночь года. Мы называем этот праздник Бельтайн, англичанам он известен как Белтейн. Зимние ночи у очага, когда снаружи лютует буря, а бард плетет рассказ о любви и предательстве, о вражде и дружбе, войне и смерти. Мое имя, Фердия, взято из «Тайн», саги, которую пересказывают у ирландских очагов вот уже тысячу лет и более. Самое близкое, что удастся произнести англичанину, это «Тойн».

Жизни я толком не видел. Кладовая воспоминаний истощилась очень быстро. Я вновь пытался оживить их, но тяжесть положения, в котором я оказался, была слишком сильна. Забыв на время о мужском достоинстве, я проливал горькие слезы, проклиная про себя несправедливость, чьей жертвой стал. Я пытался звать к Богу, но он молчал. Печаль сменилась яростью. Не думая о том, слышит кто-нибудь или нет, я молотил в дверь, пока не разбил кулаки в кровь. Никто не отозвался, никто не пришел. Похоже, мне предстояло умереть здесь. Усталость и отчаяние овладели мной, я осел на пол. Вскоре, вопреки холоду и ноющему сердцу, я провалился в сон.

Проснулся я рывком, когда услышал скрежещущий звук. Успев, пока засов сдвигали, подняться, я отполз подальше от двери. Под ложечкой сосало: прошло три часа с тех пор, как я покончил с обедом. Сапоги-Кулаки вернулся, решил я. К своему удивлению, я ощутил, что мои кулаки сжимаются. В голове проносились видения. Его уродливое лицо, перекошенное от страха. Мои удары, от которых его нос расквашивается, как переспелая слива. Крики, мольбы и мольбы о пощаде, наполняющие темницу. Не мою – его.

Дверь открылась. На пол брызнул свет факела.

Я набрал воздуха в грудь. Сапоги-Кулаки предстоит удивиться, как никогда в жизни. Если каким-то чудом моя атака удастся, постоянно сопровождающие рыцаря воины, скорее всего, оборвут ее при помощи клинка. Если я не справлюсь, меня ждет трепка, с которой прежние не сравнятся. В первом случае я стану покойником, во втором – калекой.

Но мне было все равно.

– Милости просим, Фиц-Алдельм, – прохрипел я.

Я расставил ноги так, как учил отец, и вскинул руки.

– Фердия О Кахойн? – пропищал кто-то.

Я растерялся. В дверном проеме виднелись два крошечных силуэта, один пониже, другой повыше, а за ними третий, совсем крупный.

– Да, – отозвался я.

– Видишь, Гилберт? Я ничего не придумала, – воскликнул голосок по-ирландски.

Я с удивлением понял, что он принадлежит Изабелле.

Высокая фигура зашевелилась и произнесла что-то на французском. Говорил мужчина, и ему явно не хотелось находиться здесь.

Изабелла резко оборвала его.

– С тобой жестоко обращались, Руфус, – сказала она мне.

– Руфус? – вмешался Гилберт, нетерпеливый, как все дети. – Ты ведь говорила, что его зовут Фердия.

– У меня рыжие волосы, – пояснил я. – Кое-кто называет меня Руфусом.

– Мне нравится это имя, – сказал Гилберт.

– Цыц! – осадила его Изабелла. – Руфус, я пыталась освободить тебя, но стражники не хотят слушать. Когда моя мать узнает о случившемся, она придет в ярость.

Ифа еще не вернулась, подумал я. Недавно ожившие надежды развеялись.

– Где она?

– Где-то на побережье, навещает замки моего младшего братишки.

– У меня в Уэльсе их десятка два, – заявил Гилберт с мальчишеской гордостью. – И еще больше в Англии и в Ирландии.

– Это много, – сказал я, подумав о крошечной отцовской крепости, которая никогда не станет моей из-за наличия старших братьев. Странное дело: Изабелла находилась в таком же положении. Будучи старшей из двоих детей, она не могла унаследовать земли де Клеров, так как у сыновей есть преимущество над дочерьми. Я отвесил Гилберту полупоклон. – Так вы, значит, лорд Пемброкский?

– Да, это я.

– Для меня честь познакомиться с вами, милорд.

Гилберт повернулся к Изабелле.

– Так кто он такой? – спросил он.

– Я же говорила! Ирландский дворянин, присланный в Стригуил в качестве заложника, и его не подобает держать под замком.

– А кто такой заложник?

Они совсем еще маленькие, подумалось мне. Изабелле лет шесть, а Гилберту всего три или четыре. Чудо, что эта парочка вообще добралась до меня. Дать мне свободу – выше их сил.

– Тише, Гилберт, – цыкнула Изабелла. – Дай мне подумать.

– Когда вернется ваша мать? – спросил я.

– Дня через два-три.

Такой срок – не вечность, но я содрогался при мысли о том, что предпримет Сапоги-Кулаки, узнав о моих юных посетителях.

– Майордому известно, что я здесь? – задал я вопрос. – Или кому-нибудь из здешних рыцарей?

Сопровождавший детей мужчина снова обратился к Изабелле, говоря по-прежнему уважительно, но более настойчиво.

Девочка топнула ножкой.

– Я не могу здесь оставаться, Фердия. И не могу освободить тебя... Мне жаль.

В ее голосе звучала горечь.

– В этом нет вашей вины, госпожа, – сказал я так беспечно, как только мог.

– Ты проголодался?

– Жуть как.

– Тебе пришлют еды. И вина.

Она ушла, таща за руку Гилберта, а стражник стал снова запирает меня.

– А как Фиц-Алдельм, госпожа? – не смог удержаться я.

Дверь с грохотом закрылась, засов задвинулся со скрежетом.

– Он не придет прежде, чем вернется моя мать, – донеслось из-за бревен. – Обещаю.

Под покровом тьмы с моих уст сорвался вздох облегчения.

Вышло так, что мое заточение продлилось еще один день и одну ночь. К счастью, Сапоги-Кулаки за это время не объявлялся. В последнее утро, очнувшись от некрепкого сна, я выша-

гивал по камере, пытаюсь не думать о холоде и пустом животе. Изабелла сдержала слово, но луковая похлебка, а также жаркое из оленины и свежий хлеб, которые мне принесли, давно были съедены. Я уже вылизал деревянные доски дочиста и собирался заняться этим снова, но тут мое внимание привлекли доносившиеся со двора звуки.

Голоса людей, стук лошадиных копыт. Даже через толстые стены ощущалось возбуждение. Приехал кто-то важный. Я стал молиться, чего не делал много дней. Господи, прошу тебя, пусть это будет Ифа!

Бог ответил раньше, чем я надеялся.

Пришли несколько воинов, отперли дверь камеры и вывели меня во двор. Меня никто не тащил, я сам вышел, щурясь, на яркий солнечный свет. Со спутанными волосами, вонючий, в грязной одежде, я, должно быть, напоминал дикого зверя. Многие воротили от меня нос, а я платил им полными ненависти взглядами. Будь у меня меч, я порубил бы всех, кого видел. Я подумывал, не выхватить ли у кого-нибудь клинок, но один, без доспехов, я бы стал легкой добычей для солдат в толстых гамбезонах. Я решил, что стоит пригасить огонь своей ненависти – так накрывают изразцовой плиткой очаг, чтобы он тлел до утра, – и приберечь ее для другого дня.

– По-французски говоришь?

Голос был гнусавым, начальственным. Я повернул голову. Невысокий, солидного вида мужчина в подпоясанной тунике из дорогой синей шерсти без рукавов спустился по ведущим в большой зал ступенькам. Я не знал его, но, судя по одежде и манере держаться, это был майордом.

– Слегка, – сообщил я.

Почему-то решив, что я хорошо владею языком, он затараторил по-французски. Мне удалось уловить только «Ева», «грязный» и «помыть». Он указал на здание рядом с кузницей, у которой тогда, вечность назад, подковывали лошадь. Сообразив, что, по его мнению, я не могу предстать в таком виде перед графиней Ифой и нуждаюсь в помывке, я поднял сначала одну руку и поскреб под ней пальцами, потом другую. Ответом мне стал надменный кивок.

– А потом? – спросил я на ломаном французском.

– Жди.

Майордом переговорил с солдатами и снова поднялся по лестнице.

Последовал приказ на французском, один из солдат толкнул меня в спину. Подчинившись, я проследовал в здание, оказавшееся помещением для слуг. В первой комнате стоял деревянный чан для мытья, на две трети наполненный теплой водой. Я готов был разрыдаться. Нечасто мне доводилось быстрее избавляться от одежды, даже считая случаи, когда была замешана женщина.

Застонав от наслаждения, я забрался в воду, погрузился с головой и вынырнул, не переставая улыбаться. Солдаты остались снаружи, и единственным свидетелем моего удовольствия был слуга, безразлично протянувший мне кусок мыла. Не дорогого кастильского, к которому я привык позднее, а простого, мягкого, сваренного из бараньего жира, древесной золы и соды. Однако в тот миг оно показалось мне ценнее золотого слитка.

Чистый, с вымытой головой, я выбрался из чана и завернулся в кусок грубой льняной материи, поданный слугой. Вытираясь, я поблагодарил его по-французски. Не ожидавший признательности, слуга закивал. На крышке сундука лежали предметы одежды, простые, но добротные, на полу стояла пара новых низких башмаков. Я указал на свои брэ⁶, туники и штаны, сваленные в кучу. Единственным словом, из ответа слуги, которое я понял, было «feu», то есть «огонь». Способный думать только о предстоящей встрече с графиней Ифой, я совсем не беспокоился о судьбе своих вещей и пренебрежительно отмахнулся.

---

⁶ Брэ – деталь мужского костюма, подштанники.

Выйдя на улицу, я обнаружил поджидавшего меня майордома. Он оглядел меня с ног до головы и хмыкнул. Мне хотелось залепить ему по уху, но, припомнив, чем закончилось мое противостояние с Сапоги-Кулаки, я сделал вид, будто ничего не видел. Покорный, как ведомый на убой агнец, питая все больше надежд с каждым шагом, я пошел за ним. Позади топали двое жандармов: мускулистые руки, заросшие щетиной подбородки, суровые взгляды.

Лестница вела наверх, в большой зал. Мы вошли в огромное помещение, и я так изумился, что еле скрыл это. Зал моего отца был невелик по сравнению с залом короля Лейнстера, весьма впечатляющим. Но оба казались ничтожными по сравнению с этим. Резные балки из бревен толщиной в человеческое туловище и длиной во всю комнату поддерживали высокий потолок. В сводчатых окнах справа и слева виднелись пятна ясного голубого неба – в тот день не было нужды зажигать свечи на стенах. Под окнами висели гобелены, яркие цвета которых выделялись на фоне темной штукатурки.

Я с интересом разглядывал обстановку. Покрытые скатертями столы и длинные скамьи для пиров стояли у дальней стены. Слуги начищали серебряные кубки под зорким оком дворецкого. Один юнец сгребал грязную подстилку из тростника, второй разбрасывал свежую поверх пола, служившего потолком для моей камеры. Так близко и так далеко, подумалось мне. Эти два места находились в разных мирах.

Кто-то тронул меня за локоть. Я улыбнулся майордому. Тот не ответил мне любезностью, лишь указав, что следует идти за ним. Я подчинился. Тяжело топавшие за спиной солдаты служили неприятным напоминанием о том, что мое положение оставалось очень шатким.

Я миновал весь зал, а искоса наблюдавшие за мной рыцари, что состояли при замке, писцы и слуги перешептывались, прикрывая рот ладонью. Во взглядах по большей части сквозило простое любопытство или безразличие, но кое-кто смотрел недружелюбно, даже враждебно. Мне было интересно, какие слухи ходили обо мне со времени моего приезда, распространяясь со скоростью лесного пожара. Сапоги-Кулаки наплел немало лжи и обмана, это уж точно. Если Ифа прислушивается к нему, как бы не угодить из огня да в полымя. Страхи проснулись с новой силой. Изабелле я понравился, но мнение ребенка, пусть даже настолько высокородного, редко принимают в расчет. Благодаря Сапоги-Кулаки ее мать уже могла прийти к мнению, что я опасный дикарь, которого следует держать в клетке.

Я почувствовал на себе ненавидящий взгляд и, повернув голову, увидел не кого иного, как Сапоги-Кулаки, сидевшего с полудюжиной других рыцарей. Он осклабился и бросил что-то своим приятелям, те загоготали. Крепкие ребята. Мое внимание привлек один, со странной прической: волосы на затылке у него были выстрижены, под косым углом спускаясь к ушам. На подбородке виднелся зарубцевавшийся шрам.

Взбешенный презрением рыцарей, встревоженный уверенным видом Сапоги-Кулаки, но стараясь сдерживаться, я притворился, будто ничего не заметил. С пересохшим ртом и колотящимся сердцем я поднялся вслед за майордомом на невысокий помост, где стояли два изящных кресла с высокими спинками, оба пустые. Позади них перегородка во всю высоту зала отделяла его от помещений, служивших, видимо, личными покоями графини.

Услышав за перегородкой детские голоса, я наострил уши. Заговорила женщина. Девочка – Изабелла – громко возразила. Женщина взяла резкий тон. Затем настала тишина. Мой страх вырос еще на одну отметку. Я собрался с духом и помолился Богу. Все будет хорошо, сказал я себе.

Предупредив меня взглядом – «стой на месте», – майордом направился к двери в перегородке, постучал в нее. Женщина ответила, и он вошел, прикрыв за собой дверь. Вскоре он вернулся, и по его уже знакомому презрительному взгляду я рассудил, что графиня не замедлит выйти следом.

Дверь открылась. Появилась женщина в сопровождении трех служанок. Майордом объявил по-французски о выходе графини Ифы. Воцарилась тишина, все головы повернулись в сторону помоста. Я понимал, что пляться нельзя, но ничего не мог с собой поделать.

В то время Ифа насчитывала тридцать одно лето. Лучшие ее годы, надо думать, остались уже позади, но у меня от увешенной напротив женщины перехватило дух. Все мысли о ней как о враге рассеялись как дым. Я пожирал ее глазами. Длинное платье из зеленого шелка переливалось при каждом движении, оттеняя темно-рыжие волосы, убранные под тончайшую золотую сетку с драгоценными камнями. Гибкую талию обхватывал пояс из того же благородного металла, на груди сияла брошь с кроваво-красным рубином.

Услышав возмущенное шиканье, я оторвал глаза от Ифы. Майордом яростно жестикулировал, указывая, что мне следует поклониться. Похолодев, я сделал поясной поклон и сказал по-ирландски:

– Тысяча извинений, госпожа.

– В Ирландии не учат больше хорошим манерам?

Ифа тоже говорила на ирландском. Тон был мягким, но под ним угадывался металл.

Смутившись, молясь о том, чтобы она не заметила моего вожеления, я поклонился снова. За спиной слышались смешки. «Chien», – произнес чей-то голос. «Ирландская собака», – сказал кто-то другой. Щеки мои стали пунцовыми.

– Учат, госпожа, – ответил я. – И я напрочь о них забыл. Умоляю простить меня.

Улыбка коснулась ее глаз, обворожительно-зеленых.

– Ты прощен. Если то, что мне рассказали, правда, неудивительно, что соблюдение придворного этикета должно волновать тебя меньше всего. – (Не зная, что ответить, я промолчал.) – Ты Фердия О Кахойн, из Кайрлинна, что в Лейнстере, препорученный заботам моего сына в залог доброго поведения твоего отца?

– Да, госпожа.

– Обещание будет сдержано?

Удивленный, я припомнил наказ отца: никогда не склоняться перед англичанами. «Я тоже не буду, – сказал он, подмигнув. Заметив мою тревогу, он продолжил: – Не бойся. Я постараюсь выглядеть верным в глазах солдат здешнего гарнизона, чтобы ты мог вернуться благополучно. Но есть разные способы борьбы с врагом. С толком потраченное серебро может сделать многое. Оружие, доспехи, люди, чтобы пустить их в ход. – Он еще раз подмигнул. – Большого сказать не могу, вдруг ты ненароком выдашь что-нибудь».

– Ну? – требовательно спросила Ифа.

– Прошу прощения, госпожа. Я думал о своей семье. – С облегчением заметив, что выражение ее лица смягчилось, я продолжил: – Мой отец – человек слова.

– А ты?

Изумленный такой прямоотой, я почувствовал себя задетым и, вскинув подбородок, заявил:

– Я тоже, госпожа. В Ирландии я дал клятву не сбежать. И теперь снова даю ее вам, перед лицом Господа и всех его святых.

Ифа выглядела довольной.

– Как я понимаю, во время моего отсутствия ты содержался в камере под нами.

Для вящего эффекта она топнула туфелькой по помосту.

– Да, госпожа. Меня освободили всего час назад.

– Мне сказали, что рыцарь Роберт Фиц-Алдельм дурно обходился с тобой. Что он тебя бил. – Она повторила это по-французски и, когда в зале послышались изумленные возгласы, бросила взгляд в сторону Сапоги-Кулаки. Изабелла поговорила-таки с матерью, решил я. – Это правда?

Теперь зеленые глаза графини смотрели на меня.

Бил, и не раз, хотелось сказать мне. Но я ощущал на себе взгляд Сапоги-Кулаки, прожигавший дыры в спине моей туники. Стригуилу предстоит стать домом для меня, размышляя я, а Изабелла – пока единственный мой друг. Ее знатное происхождение служит залогом того, что наши дороги будут пересекаться редко, и при всем ее расположении она лишь ребенок. Зато с Сапоги-Кулаки я буду встречаться ежедневно, и у него тут, несомненно, хватает друзей и союзников. Возможно, он уже знает, как превратить мою жизнь в муку. А если обвинить его прилюдно, недолго получить нож между ребер под покровом ночи.

Я принял решение.

– Пока наш корабль поднимался вверх по реке, между нами произошла размолвка, госпожа. Я был груб с Фиц-Алдельмом, а когда он сделал мне выговор, поднял на него руку. – Весьма вероятно, что Сапоги-Кулаки сказал что-то похожее. На этом и строился мой расчет. – Он поступил так, как сделал бы любой другой рыцарь, и леди Изабелле довелось стать свидетельницей случившегося.

Ифа насупила брови, но ничем не показала, что не верит моему рассказу.

– А потом, когда ты очутился в темнице?

Она воззрилась на меня, и, хотя это было невозможно, мне казалось, будто она видит синяки, покрывающие мое тело под туникой и штанами.

– Еда была скверной, госпожа, но больше мне жаловаться не на что.

Я послал ей улыбку, казавшуюся мне убедительной.

Раскусила она мою ложь или нет, сказать не берусь, но ее полные губы изогнулись в усмешке.

– Со стороны Фиц-Алдельма неправильно было сажать тебя под замок, но, возможно, в тех обстоятельствах это было вполне объяснимо.

– Да, госпожа, – солгал я, надеясь, что Бог позволит мне свершить месть. Я покажу Сапоги-Кулаки, что такое побои.

– Отныне ты станешь спать в зале и обедать тут же. Время от времени я буду призывать тебя. Мне редко выпадает возможность поговорить по-ирландски, разве что со своими детьми.

– Почту за честь, госпожа, – ответил я, просяив.

– А тебе следует выучить французский.

– Да, госпожа.

Я поклонился, надеясь, что худшее осталось позади.

Глава 3

В стойле было тепло и сыро. Пот тек у меня по лбу, пока я орудовал в дальнем углу лопатой, стараясь отыскать помет – его никак не удавалось обнаружить. Нашел я только крысу, но та удрала прежде, чем я успел разрубить ее. Я посвистел, зовя Лоскутка, терьера старшего конюха, но без толку. Обругав чертова пса, которого никогда не дозовешься, я снова занялся утоптаным земляным полом. Сочтя его достаточно чистым, я взял метлу и принялся сметать плоды своих трудов – кучу грязной соломы и конского помета – к двери.

Полгода минуло с моего приезда в Стригуил. Пришла середина лета, настал зной. После аудиенции у Ифы меня определили к оруженосцам при рыцарях. Не прислуживая никому в отдельности, я выполнял тяжелую работу за всех – несправедливость, с которой мне было не по силам бороться. Многие оруженосцы держались достаточно дружелюбно и после продолжительного времени, в течение которого я не задирал нос и не жаловался, приняли меня в свое общество. Ближе всего я сошелся с Хьюго и Уолтером. Хьюго был худощавым и крепким, а благодаря белой коже и веснушчатому лицу мог сойти за ирландца, Уолтер же, напротив, – смуглым и темноволосым. Низкорослый, он был, однако, жилистым, как охотничий пес, и состоял со всеми в приятельских отношениях.

Стремясь не утратить силы и ловкости, а также навыков обращения с оружием, я при любой возможности упражнялся с этой парочкой. Облачившись в стеганный гамбезон или в полноценный доспех – естественно, взятый взаймы, – я молотил их, а они меня. Мы боролись, бились на кулачках, сыпали ругательствами, как все молодые люди. Я упражнялся с деревянным мечом и щитом, оттачивая свое умение против пелла – воткнутого в землю шеста высотой в человеческий рост. Еще я атаковал верхом столб для упражнений – поначалу под насмешливый хохот зевак, потом, по мере того как росла моя сноровка, под ободряющие возгласы.

Что до остальных оруженосцев, то они не слишком досаждали мне, но кое-кто из кожи вон лез, лишь бы показать свое преимущество. Утром того дня за завтраком Бого, один из злейших моих обидчиков, детина с квадратной, как фонарь, челюстью, мнивший себя уже рыцарем, велел мне вычистить конюшни: эту работу, вообще-то, полагалось выполнять ему самому.

Попытка поспорить только дала бы Бого и его друзьям долгожданный повод. Когда они налетели на меня в первый раз, я успел сбить с ног двоих, прежде чем меня задавили числом. Отделавшись синяком под глазом и разбитой губой, я пришел к неутешительному выводу: самое лучшее – не лезть на рожон. Я не мог драться со всеми обитателями Стригуила. И подступить к Сапоги-Кулаки тоже не мог. Он был рыцарем, персоной, недостижимой для подобных мне. Посему я решил, что буду избегать его как чумы и вести другие битвы. «Сражайся, когда можешь победить, – частенько советовал отец. – В противном случае отступай. Только дурак делает наоборот».

И вот, не обращая внимания на ухмылки Бого и его друзей, я поджал губы и отправился искать метлу и лопату. Затем взялся за дело, намереваясь покончить с ним как можно скорее – из-за жары работа во влажной конюшне превращалась в настоящую пытку. Но даже управившись с этим, я не мог рассчитывать на отдых. Мне предстояло вычесать двух лошадей, почистить седла и сбрую, а потом еще отполировать доспех. Когда я закончу, подойдет время ужина у рыцарей, мне придется помогать с подачей, и только после этого я смогу идти по своим делам.

В такой зной стоило поплескаться на отмели в реке Уай. Эта забава обещала избавление от жары, а заодно возможность ощутить себя в своей тарелке. Проведя детство у моря, я плавал как рыба и мог удерживать под водой голову другого оруженосца дольше, чем тому хватало сил терпеть. Выметая на улицу солому, я говорил себе: пусть только Бого подвернется мне под руку, уж я преподам ему урок.

– Ну и вонь! – вывел меня из задумчивости раздавшийся за спиной голос.

– Леди Изабелла! – Я с улыбкой оглянулся. Никто другой не обращался ко мне на ирландском. – Насколько понимаю, вы не намерены помогать мне?

Девочка насупилась.

– Это ниже моего достоинства.

Я рассмеялся и протянул ей метлу.

– Это честный труд. Возьмите, попробуйте.

– Нет!

Подрастеряв свою надменность, она отступила на шаг, потянув за собой куклу.

– Шутка, госпожа, – сказал я, перейдя на французский. Такой у нас установился обычай во время наших редких бесед. Для меня то была еще одна возможность попрактиковаться в языке – кроме скучных уроков, даваемых одним из писцов капеллана. – Это было бы неподобающе.

Она надулась.

– Так всегда говорит мама, если я хочу пострелять из лука, как это делает Гилберт.

– Мальчикам положено учиться стрельбе из лука, девочкам – нет.

А яблоко от яблони недалеко падает, решил я. Я достаточно долго пробыл в Стригуиле и знал, что Ифа – женщина волевая и независимая. Дочь явно пошла в нее.

– Так нечестно.

«Как и то, что я оказался здесь заложником», – с горечью подумал я. Но вслух сказал:

– Что ж, таковы пути этого мира. – Заметив ее неудовольствие и припомнив частые визиты девочки в соколиный загон, я добавил: – Когда подрастете, сможете охотиться с соколами. Разве это не здорово?

Вздых.

– Сокольниковый говорит, что много лет пройдет, прежде чем у меня хватит сил.

– Так стоит набраться терпения, госпожа.

«И мне тоже», – хотел добавить я. Как и ей, мне предстоит дожидаться своего часа. Рано или поздно наступит день, когда я снова увижу Ирландию, а с Божьей помощью и свою семью.

– Ты как нянька говоришь. Или как капеллан. Или как моя мать.

С этими словами девочка насупилась.

Я развел руками.

– Взрослые часто говорят детям одно и то же.

– Изабелла! – послышался знакомый вопль.

– Можешь меня научить? – спросила она.

Воровато оглядевшись, я прошептал:

– Стрельбе из лука?

– Да.

Я представил, как к этому отнесется графиня или Сапоги-Кулаки.

– Почел бы за счастье, госпожа, но моя жизнь того не стоит.

– А я думала, что ты мне друг!

– Так и есть, госпожа, – возразил я, но девочка не унималась.

– Обижаешь леди Изабеллу? – сказал знакомый язвительный голос. – Так-то ты развлекаешься, амадан?

– Это не так, – отрезал я и прикрыл глаза ладонью, чтобы получше рассмотреть Сапоги-Кулаки, который скакал через двор в сопровождении одного из своих дружков.

Со дня моего освобождения из темницы между нами установилось своеобразное перемирие. Мы ненавидели друг друга, но я не отваживался на месть, а он, кажется, более или менее признавал во мне знатного заложника.

Когда они подъехали ближе, я обратил внимание, что бока обоих коней побелели от пота. Несмотря на свою ненависть к Фиц-Алдельму, я не мог не проникнуться уважением к нему.

Пока прочие рыцари прохлаждались в большом зале, читая стихи или слушая, как менестрель выводит на лютне замысловатые мелодии, он и его друг упражнялись со столбом. Потом во мне зашевелилась зависть. Я был неплох в этом деле – для новичка, – но он-то был дьявольски хорош. Если бы мы бились на турнире, победителем вышел бы только один. Точно так же закончился бы и мой поединок с его приятелем, человеком со странной прической.

– Позаботься о моем коне.

Бросив поводья в мою сторону, Фиц-Алдельм пружинисто соскочил на землю.

– И о моем.

Второй рыцарь, его звали Фиц-Варин, был воспитан несколько лучше и передал поводья мне в руки.

Эти двое ушли, не удосужившись обернуться. Мне стоило быть благодарным Фиц-Алдельму за то, что он не стал больше насмехаться надо мной и не ударил, как все еще делал, если я не проявлял расторопности. Но я чувствовал лишь одно – жгучее желание расквасить в кровь его рот.

Я решил отплатить Фиц-Алдельму единственным доступным мне способом: с помощью хитрости. Было бы нетрудно покалечить его коня, бессловесного преданного зверя, но при мысли об этом у меня воротило с души. Кроме того, обвиняющий перст сразу указал бы на меня. Вот я, а вот конь, порученный моим заботам. Нет, подумал я, должен быть другой способ. Ослабив подпруги и сняв седла, я повел скакунов к поилке. Пока они жадно пили, я, как делал все эти месяцы, лихорадочно ворочал мозгами, соображая, как нанести Фиц-Алдельму удар и не быть пойманным.

Мой взгляд упал на одну из валлийских прачек на той стороне двора. Этих работающих матрон с постоянно красными руками, похабным юмором и острым язычком я видел каждый день. Я уже тогда не был застенчивым девственником, но от скабрёзных намеков, которые эти женщины отпускали полушутя-полусерьёзно, у меня не раз вспыхивал румянец на щеках.

Как гласит пословица, люди часто неспособны видеть у себя под носом, и, осознав ее справедливость, я рассмеялся про себя. В тот день нелегкий труд – замачивать грязные простыни и скатерти в растворе из древесной золы и соды – выпал на долю Большой Мэри. Широкая в талии, не блиставшая умом, она была из тех, кто питал ко мне слабость. Напоив лошадей, я прошествовал мимо нее.

– Тебе, похоже, жарко, Мэри.

Валлийский язык похож на ирландский, так что мне вполне удавалось объясняться на нем.

Оторвавшись от деревянного чана, толстуха плотоядно подмигнула мне.

– Будет гораздо жарче, когда ты оседлаешь меня, юный Руфус.

Я постарался изобразить соблазнительную улыбку.

Тыльной стороной ладони она откинула со лба прилипшую прядь волос и проворковала:

– Приходи сегодня ко мне в койку, и я не дам тебе уснуть до рассвета.

Ее мясистая ладонь метнулась к моим чреслам. Я испуганно попятился, но ухитрился подмигнуть ей.

– Ну ты и горячая штучка, Мэри, ей-богу! Слушай, тебе, наверное, пить хочется?

– Умираю от жажды.

Она облизнула губы.

– Я принесу кружку пива.

– Да благословит тебя Бог, парень, – сказала валлийка, просияв.

Направляясь к кладовой, я насвистывал.

Чтобы мой план сработал, требовалось время, но это меня не заботило. Я ждал уже полгода, еще несколько дней не составляли разницы. Как сказал мудрец, месть – блюдо, кото-

рое лучше подавать холодным. Я не раз подкарауливал Большую Мэри, делая вид, что наши встречи – не более как случайность. Спасаясь от ее плотских притязаний с помощью лесты и быстрых ног, я сумел завоевать ее доверие, в этом сильно помогали украденные из кухни цыплята и пироги с изюмом.

Когда я горько посетовал, что мои простыни кишат клопами – в большей, чем у других оруженосцев, степени, – Мэри была готова перетрудить свои шишковатые ноги, стремясь помочь. Я бессовестно лгал, но ей это и в голову не приходило. Нужно ежедневно замачивать их в едкой соде, посоветовала Мэри. А высушить простыни в такую жару труда не составит. Я расхвалил ее, чмокнул в алую щеку и ухитрился улизнуть, отделавшись только пострадавшей от щипка ягодицей.

Она не догадывалась, что истинной целью моих визитов к ней было получить доступ к одежде рыцарей, прежде всего к вещам Фиц-Алдельма. Не знала женщина и о том, что уже несколько вечеров я бродил по лугам, на которых пасся скот графини. Осматривая деревья, под которыми животные укрывались в полуденный зной, я искал стволы со следами чеса. Мне удалось даже повалить на землю маленького теленка, воспользовавшись тем, что мать его пила воду из реки, и собрать то, что мне требовалось. Любой, кто имел дело с быками, узнает похожие на проказу болячки, поражающие молодняк. Морда покрывается толстыми грубыми чешуйками. Это, слава богу, не проказа. Мерзкая хворь не поражает людей, работающих с животными, но на руках и ладонях могут появиться красные зудящие пятна. В этом и состоял мой план.

Пока Большая Мэри корпела над стиркой, я тайком натирал свежевystиранную одежду Фиц-Алдельма найденными мной чешуйками и коростой. А потом стал ждать, терпеливо, как волк, наблюдающий за подраненным оленем. Нужда в Большой Мэри отпала. Чтобы не разозлить ее, я пояснил, что стал заходить все реже по причине сильной усталости от дневных трудов. Мне повезло: придворные рыцари усиленно тренировались – ходили слухи о скором приезде важного гостя, – и оруженосцы суетились как никогда, ухаживая за лошадьми своих хозяев, полируя доспехи, заостряя мечи.

Оглядываясь назад, я смеюсь над своей неискуненностью. Одержимый Фиц-Алдельмом, не думая о том, что делается за стенами Стригуила, я понятия не имел, что жизнь моя вот-вот изменится навсегда. Мне предстояла встреча с властелином. Могучим воином. Человеком, которому предстояло править не только Англией, но также Нормандией и Бретанью, Анжу и Аквитанией. Тем, кто поведет войско в Святую землю и дойдет почти до самого Иерусалима.

С Ричардом Львиное Сердце.

Новость пришла седмицу спустя после того, как я попортил наряды Фиц-Алдельма. Сначала гонец доставил ее Ифе в большой зал, а затем она разнеслась по замку со скоростью пламени, охватывающего сенной сарай. Ричард, второй сын короля Генриха, высадился на южном побережье Англии и в следующем месяце намеревается посетить Стригуил. С этой минуты никто ни о чем другом больше не разговаривал. До того у меня было мало причин разузнавать что-то о Ричарде. Но, захваченный будущим приездом венценосного гостя, к тому же почти моего сверстника, я быстро наверстывал упущенное.

В четырнадцать лет он был возведен отцом на престол герцогства Аквитанского и с семнадцати – то есть уже пять лет – постоянно вел войны. Несмотря на молодость, он, по рассказам одного рыцаря, в первое же лето осадил и взял сильный замок Кастигон-сюр-Ажан.

Этот успех не избавил его от невзгод на следующую весну, в лето Господа нашего 1175-е. Мятежная по природе, недовольная новым сеньором аквитанская знать образовала коалицию против Ричарда. Не дрогнув, он набрал большое число брабантских наемников и принялся усмирять бунтовщиков. Три с лишним года бушевала война в Аквитании. Были и неудачи,

самая крупная из них произошла в Поне, но такие твердыни, как Сен-Мегрен, Лимож, Шатонёф, Мулинёф, Ангулем, Дак, Байонна и Сен-Пьер, пали перед воинственным герцогом.

Незнакомые, музыкальные французские названия будоражили воображение, а размах и мощь кампаний Ричарда глубоко впечатляли. Не ведая тогда о грязи и крови, о дерьме и моче, о смраде гниющей плоти, которые идут рука об руку с осадой, я представлял себя воином герцогской армии, добывающим славу и почести. Всякий раз, когда эти мечты увлекали меня, просыпалась совесть. Ричард – враг, его следует ненавидеть, как всех в этой проклятой стране. Я корил себя и вспоминал отца как своего повелителя, как человека, которому я обязан сохранять верность. Чужеземные войны нас не касаются. Единственное, что важно, – это борьба в Ирландии. Если представится возможность, решил я, стоит прознать, как берут замки. Это умение пригодится мне по возвращении.

Но, как я ни старался, рассказы о подвигах Ричарда увлекали меня. Казалось, ни одна крепость не может устоять перед ним. Жадный до драки, он зачастую оказывался в самой гуще боя. Если верить Жильберу де Лилю, глашатаю, принесшему весть о визите, самое выдающееся из своих деяний Ричард совершил около месяца тому назад. Из-за осведомленности де Лиль и его скорого отъезда он пользовался большим спросом. Все, от капеллана и его писцов до рыцарей, оруженосцев и пажей, хотели поговорить с ним. Неудивительно, что де Лиль, приятный, лысоватый и не слишком башковитый, редко оставался трезвым с того времени, как огласил послание графине.

Повествование о Тайбуре я услышал на второй вечер после получения драматических известий о скором приезде Ричарда в Стригуил. Закончился поздний ужин, и осыпаемый распросами де Лиль уселся среди подушек, разложенных на сиденье у окна в большом зале. Его обступили сгоравшие от нетерпения слушатели: рыцари, чиновники, даже сам майордом. Оруженосцы и пажи толпились по краям. Слуги оторвались от работы, наострив уши. Стремясь не упустить ни слова, я вооружился кувшином с вином и встал у правого локтя гонца. Я ловил злобные взгляды Бого и его дружков, но совершенно не беспокоился об этом. Зная, что я рядом, де Лиль протягивал руку всякий раз, когда вина в его кружке оставалось меньше половины.

– Расскажи нам про Тайбур, – попросил Фиц-Алдельм, поддержанный хором голосов.

Де Лиль не ответил. Щеки его покраснели, на дублете темнели винные пятна. Однако он прекрасно понимал, что все в зале ждут его слов. Он сделал большой глоток и благодарно кивнул, когда я метнулся к нему с кувшином.

– А, Тайбур... – проговорил гонец.

– Ты был там? – спросил Фиц-Варин.

– Был, – сказал де Лиль.

Возбужденный гул.

– Непрístupная твердыня, – продолжил он. – Стоит на высоком утесе над рекой Шарантой, с трех сторон ее обступают голые скалы. А четвертая укреплена лучше, чем у всякого из известных мне замков.

– Я видел Тайбур, – провозгласил Фиц-Алдельм, раздувшись от важности. Он помолчал, чтобы почесать шею, зародив во мне надежду на то, что чешуйки принялись за работу, и продолжил: – Любая армия расшибет себе лоб о его стены, и только птица способна долететь до вершин, на которых стоит замок.

Перехватив взгляд де Лиль, он заткнулся.

– Как уже говорилось, – высокопарно сказал де Лиль, – я был при осаде. Тайбур принадлежал Жоффруа де Ранкону, союзнику графа Ангулемского, знатного сеньора, уже покорившегося Ричарду. Своевольный, как все эти аквитанцы, Жоффруа отказался преклонить колени. У него имелись основания для уверенности: замок Пон незадолго до этого выдержал четырех-

месячную осаду войска Ричарда. Тайбур выглядел еще более неприступным. Его укрепления так мощны, что замок ни разу не пытались взять.

Снова осушив кубок, он подставил его мне.

Я мигом подлил вина.

– Но вот Ричарду, – снова заговорил де Лиль, – нравится играть с огнем. Кости Христовы, это настоящий вождь! Отступив от Пона, он по дороге на Тайбур захватил несколько мелких замков. Заслышав о нашем приближении, обитатели окрестных деревень сбежались в крепость и в отчаянии наблюдали со стен, как мы жжем их фермы, вырубам виноградники и опустошаем амбары. – Де Лиль громко отхлебнул и удовлетворенно хекнул. – Как они, должно быть, ненавидели нас! Лагерь наш стоял у самых стен, перед единственными воротами Тайбура. Они понятия не имели о намерениях Ричарда, о его приказе шуметь, петь и веселиться. Единственной нашей целью было вывести солдат гарнизона из себя. По виду беспечные, мы на самом деле были готовы к бою, и, когда разъяренные тайбурцы высыпали большим числом из бокового выхода, их ждал жестокий прием. Мы загнали их назад...

Фиц-Алдельм, выглядевший обиженным после выговора от де Лиля, скривил губы. И снова поскреб нижнюю часть шеи.

– Мы? Ты принимал участие в бою?

Его дружки хмыкнули.

– Это образное выражение, добрый сэръ. Я не воин, а скромный слуга герцога Ричарда, – невозмутимо ответил де Лиль. И пока Фиц-Алдельм соображал, что ответить, добавил: – А ты сражался при Тайбуре?

При всем своем недалеком уме де Лиль знал, что, как и все здесь присутствующие, Фиц-Алдельм находился тогда в Стригуиле. Смех собравшихся, клянусь, докатился до самой крыши. Не в силах сдержать злорадство и все больше уверяясь, что моя коварная затея с одеждой приносит плоды, я прикрыл лицо рукавом туники. Тщетно: мгновение спустя я заметил, как глаза Фиц-Алдельма впелись в меня, точно два кинжала.

Когда хохот стих, де Лиль продолжил рассказ. Фиц-Алдельм, хмурый, как туча, и злой, тем не менее больше не перебивал его.

Мы как замороженные дослушали историю до конца. Солдаты Ричарда погнались защитников с такой яростью, что ворвались в ворота. Хотя многим из врагов удалось укрыться в цитадели, большая часть припасов оказалась в руках герцога. Павшие духом обитатели замка сдались. Потрясение, вызванное падением Тайбура, было огромным. Жоффруа де Ранкон сложил оружие. Пон прекратил сопротивление.

– После многолетнего мятежа в Аквитании за несколько месяцев был восстановлен мир, – важно произнес де Лиль. Он высоко поднял кубок, расплескав вино, потекшее по руке, и вскричал: – Благодаря Ричарду Кер-де-Лион!

Ох уж эта юношеская восприимчивость! Захваченный историей, забыв о вражде с английской короной, я, каюсь, орал так же громко, как остальные.

Глава 4

Не знаю, который был час, когда переполненный мочевой пузырь заставил меня проснуться. Из закрытых ставнями окон сочился тусклый свет, но в большом зале пока царила тьма. Воздух – густой, спертый, насыщенный смрадом перегара и пердежа. Слышался храп. Под ворочающимися во сне людьми шуршала солома. Собака в глубоком сне заскулила и задергалась. Лежа на тюфяке, у двери в замковый двор – откуда тянул сквозняк, – я думал, как поступить. Можно потерпеть с походом в уборную до рассвета, но нарастающие позывы в нижней части тела говорили, что уснуть едва ли получится. Скоты вроде Бога не брезговали мочиться в тихом уголке, но я за время пребывания в Стригуиле воздерживался от этого. Лучше уж выйти на улицу, решил я со вздохом.

Приподнявшись на локте, я потянулся за сапогами, но тут меня остановил некий звук. Я обвел глазами комнату в поисках источника шума; казалось, его произвели украдкой. Не бессвязное бормотание спящего, не свистящий храп, не бестолковая попытка пьяного подняться на ноги. Звук раздался снова, и на этот раз я заметил, откуда он исходит: то была тень, более черная, чем окружающий мрак, и она кралась к двери. Я снова лег, боясь, что колотящееся сердце выдаст меня. Едва отваживаясь дышать, я выжидал до тех пор, пока шаги не затихли снаружи. Затем, зашнуровав сапоги, я зашагал по полу, стараясь не наступить на собратьев-оруженосцев или на скрипучую половицу.

У двери я прислушался, опасаясь, что неизвестный все еще может быть с той стороны порога. Ничего не услышав, я осторожно осмотрел безмолвный, как кладбище, двор. Снаружи было светлее, чем в зале, но до рассвета оставалось еще много времени. Ни души. Местный кот, примостившийся на бочке у двери в кухню, подозрительно поглядел на меня. Мне не было дела до него. Раздраженный из-за того, что так бездарно упустил добычу, я собрался было опорожнить мочевой пузырь, но краем глаза заметил шевеление в конюшне.

Повернув голову, я успел оглядеть фигуру входившего внутрь мужчины. На нем была темная туника, большего я сказать не мог. Питая скорее любопытство, чем подозрения, я спустился по лестнице и направился к ближайшей уборной. Справив нужду, я думал только о том, как вернуться на свой тюфяк и поспать, прежде чем наступит новый день с его заботами, и напрочь позабыл про виденную тень. И вспомнил, только услышав шаги снаружи.

Застыв на месте и не сомневаясь, что меня непременно обнаружат, я с большим облегчением выдохнул, когда человек не стал заходить в уборную и двинулся к лестнице в большой зал. Мгновением спустя мной овладела досада, ведь мне так и не удалось установить личность посетителя конюшни. Припав ухом к дощатой стене, я пытался прикинуть, как высоко успел он подняться. Пустая затея – я ничего не мог расслышать. Единственным способом опознать неизвестного было выглянуть, рискуя тем, что меня заметят. Любопытство пересилило страх: я высунул голову из двери уборной.

Мужчина одолел уже две трети лестницы, но Фиц-Алдельма я узнал бы и с вдвое большего расстояния. Ни у кого в Стригуиле не было такой здоровенной башки. В уме у меня мигом вспыхнуло подозрение. Стремление обыскать конюшню вытеснило мечты о сне и матрасе. Я выскочил из уборной и в спешке зацепил дверь плечом. Та широко распахнулась, и только до глухого не донесся бы скрип заржавленных петель.

Молясь, чтобы вошедший в большой зал Фиц-Алдельм ничего не услышал, я опрометью кинулся через двор в сенной сарай. Там, взобравшись на самую высокую копну, я залег, перепуганный и запыхавшийся. Пока я выжидал, запел петух. С улицы не доходило других звуков, и я начал надеяться, что спасся.

И тут кто-то задвигался снаружи. Шаги. Страх охватил меня. Это Фиц-Алдельм, больше некому. Я не осмеливался выглянуть за край копны. Если рыцарь войдет в сарай, то сразу меня заметит.

Необъяснимо, как удастся человеку почувствовать на себе чей-то взгляд. Все еще прислушиваясь к Фиц-Алдельму, я повернул голову. Не далее как в шести шагах от меня, также на вершине копны, лежал один из беспризорных валлийских мальчишек, что обитали в замке и его окрестностях. В большинстве своем мы их просто не замечали, но я никогда не бил и не высмеивал этих бедолаг, как не раз делали на моих глазах Бого и его дружки.

Малец был лет восьми-девяти от роду – с глазами-бусинками, черный от грязи, как мавр, с худенькими, как тростинки, ручками и ножками. Без сомнения, он наблюдал за мной с самого моего появления в сарае. У него открылся рот.

По земляному полу затопали сапоги.

Это определенно был Фиц-Алдельм. В страхе, что мальчишка меня выдаст, я приложил палец к губам, надеясь, что мой умоляющий взгляд достаточно красноречив.

Малец, видимо, что-то уловил, потому как не произнес ни звука.

Шаги то удалялись, то приближались.

– Где эта чертова лестница? – проворчал Фиц-Алдельм.

Мерзавец намерен проверить, есть ли кто наверху, подумал я. Холодный пот выступил у меня на лбу. Обнаружив меня, Фиц-Алдельм убедится, что это я скрипнул дверными петлями. И предположит, что я наблюдал за ним в конюшне. Я приготовился к схватке с неминуемо печальным исходом: Фиц-Алдельм никогда не расставался с кинжалом, тогда как при мне оружия не было.

Шорох. Я повернул голову, сердце у меня ушло в пятки. При всем желании мне было не по силам предотвратить дальнейшие события. Заскользив тощим задом по сему, мальчишка на миг замер у края копны, а потом прыгнул на пол.

Уверенный, что мне конец, что малец задумал выдать меня в расчете на вознаграждение, я взмолился Богу и всем его святым. Припомнив все свои молитвы, оставшиеся без ответа с тех самых пор, как серые чужеземцы напали на нашу страну, я пал духом и, зажмурившись, ждал, когда мальчишка свершит злое дело. Узнав, что я на копне, Фиц-Алдельм велит мне спуститься вниз и учинит жестокую расправу.

– Прятался там, да? – спросил голос Фиц-Алдельма, которому валлийский говор давался так же трудно, как ирландский.

– Нет, сэр.

Подзатыльник. Крик.

– Подсматривал за мной?

– Нет, сэр!

Еще удар. Плач, вскоре приглушенный.

– Не ври мне, парень. Что ты видел?

– Ничего, сэр. Ничего не видел! – закричал мальчишка срывающимся голосом.

– Твое счастье, если так. Обмолвись хоть одной живой душе, и окажешься на дне Уая.

Короткая тишина, потом тихие рыдания. Шаги в сторону выхода из сарая.

Благословляя свою удачу, я стал пядь за пядью подползать к краю кучи. Фиц-Алдельма не было видно. Внизу я разглядел силуэт мальчишки, привалившегося спиной к копне. Потихоньку, не спуская глаз с двери, я опустился рядом с ним.

– Он ушел? – спросил я по-валлийски.

Ответа не было.

– Ты не сказал ему, что я здесь. Спасибо.

Снова нет ответа.

– Серебряный пенни – твой в знак благодарности, – продолжил я.

Пара черных глаз, залитых слезами, встретилась с моими.

– Два.

Глядя на протянутую грязную ладошку, я хмыкнул.

– Мой кошель остался в большом зале. – Мне представился пекарь, которому предстояло вскоре доставать хлеб из печи, и я спросил: – Ты проголодался?

Малец кивнул.

«Да ты умираешь с голоду», – подумал я.

– Как посмотришь на краюху свежего хлеба?

Первый намек на улыбку.

– Я мед люблю.

– И его тоже получишь, – пообещал я. – Только ни слова Фиц-Алдельму, ладно?

– Это плохой человек, – заявил мальчишка, насупившись.

– Так и есть, – согласился я, радуясь, что парень не станет болтать.

Пообещав вернуться с монетами и хлебом, я пошел к выходу. К моему облегчению, Фиц-Алдельма я не обнаружил – только пару зевающих жандармов, шедших к уборной. Небо над восточной стеной порозовело. Наступал рассвет. Вскоре замковый двор наполнится жизнью. Появятся все: пекари и прачки, слуги и конюхи. Это было самое подходящее время для выяснения того, чем занимался Фиц-Алдельм.

Счастье сопровождало меня – дверь, в которую он входил, осталась приоткрытой. Я прокрался внутрь. Ноздри наполнились резкими запахами: лошади, кожа, жир. Дюжины две седел покоились на закрепленных на стене деревянных подставках, прикрепленных к стене. Бесчисленное множество поводьев и уздечек висели на крюках; под ними были аккуратно сложены чепраки и попоны. Вдоль стены шла полка, уставленная инструментами. Здесь хранились ножи разных видов: короткие, длинные, кривые, с закругленным, как полумесяц лезвием. Клеши. Щипцы. Шила. Щипчики.

Все выглядело как обычно.

Я рыскал, ругаясь вполголоса, понимая, как мало у меня возможностей выяснить, что делал Фиц-Алдельм. Может статься, и вообще ничего, подумал я, но тут же отбросил эту мысль. Рыцарь любил поспать и не стал бы приходить сюда просто так.

Я попытался найти в полумраке его седло, но вскоре, слыша, как оживает замковый двор, вынужден был уйти из конюшни. Приуныв, так как рисковал многим и не узнал ничего, я понес малышу его серебряные пенни.

Он удивился моему возвращению. Такая недоверчивость – явно из-за того, что его обманывали все, кому не лень, подумалось мне. Монеты исчезли в складках грязной туники, а хлеб, еще горячий, и мед мальчишка сожрал с жадностью оголодавшего пса. Облизав дочиста пальцы, он воззрился на меня если не доверчиво, то, по крайней мере, уже без настороженности. У него были длинные черные волосы и узкое умное лицо.

Смыть с него грязь, подумал я, и будет наполовину приличный человек.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Рис. А вас?

– Фердия. – Мне пришла в голову мысль. – Можешь кое-что для меня сделать?

В его взгляде вспыхнуло подозрение.

– Смотря что.

– Тот рыцарь, который приходил в сенник... Хочу, чтобы ты проследил за ним. Куда ходит, с кем встречается.

– И что мне с этого будет?

– Свежий хлеб каждое утро. Серебряный пенни, если разумеешь что-нибудь стоящее.

Он обдумал мое предложение с важностью лорда, творящего суд над преступником, потом протянул руку. Меня немного замутило при виде того, насколько вылизанные недавно

пальцы чище остальной ладони, но я не мог отказаться из опасения оскорбить его. Мы обменялись рукопожатием.

Добывать собственный завтрак я отправился, воспрянув духом. Хотя сорванец был мал и жалок, я чувствовал себя так, словно только что принял присягу у своего первого вассала.

Прошло несколько дней. Рис выказал себя способным лазутчиком: теперь я знал, что Фиц-Алдельм – завсегдатай не только таверны в окрестностях замка, полюбившейся и другим рыцарям, но и убогого заведения у оживленной дороги, что вела на север. Там он навещал одну шлюху, развлечения же, если судить по звукам, доносившимся из ее комнаты, включали удары плетью и прочие грубые забавы.

Растерявшись, поскольку никогда не слышал о таких вещах, я чувствовал себя виновным в том, что Рису пришлось услышать все это. К моему удивлению, малец ничуть не смутился.

– Мне приходилось видеть что похуже, – заявил он.

Бедный ребенок! Девяти лет от роду, в каком-то смысле он был втрое старше.

Узнав много нового о Фиц-Алдельме, я оставался в неведении относительно его раннего визита в конюшню. На следующее утро, до рассвета, я вернулся туда с намерением снова обыскать место. Обнаруженный одним из конюхов, который пришел искать пробойник, я отвел от себя подозрения, притворившись, что делаю то же самое, но предпринимать новую попытку было бы глупо. Один лишь слух о моей склонности бродить без дела мог лишить меня благосклонности графини Ифы, от которого зависела сама моя жизнь.

Я смирился с тем, что так и не узнаю правды. Оставалось довольствоваться тем, что моя каверза с коровьей чесоткой сработала. Красные чешуйчатые болячки покрывали его шею и правое запястье, а однажды поутру, подглядев, как он одевается в большом зале, я понял, что поражено и туловище. По словам Риса, рыцарь навестил в поисках исцеления нескольких знахарей. По счастью, ни одно из снадобий пока не возымело особого действия: всякий раз, когда я видел Фиц-Алдельма, он чесался и скреб себя.

Я сознавал, что меня ждет, если бы он узнал о моей причастности, и прятал свое злорадство глубже, чем скряга – золото. Когда-нибудь, говорил я себе, я отплачу ему сильнее, но пока достаточно и этого.

Гонец де Лиль все еще находился в Стригуиле. Задержка с отъездом, если верить болтливому лекарю, объяснялась лихорадкой, но мы, оруженосцы, сошлись во мнении, что она была плодом чрезмерных возлияний. «Бурдюк с вином» – так мы окрестили его про себя. Наши догадки подтвердились, когда я пошел справиться о его здоровье и застал гонца на оконном сиденье. Бледный, но с кубком в руке, он явно наслаждался женским пением, доносившимся из апартаментов Ифы. Де Лиль, человек доброжелательный, вспомнил о моем кувшине, постоянно бывшем наготове во время его рассказа про осаду Тайбура. Когда я спросил про короля, он охотно ответил.

Мне, гордому ирландцу, не было дела до Генриха Анжуйского, но я всегда старался помочь отцу в деле изгнания англичан с нашей земли, и полезно было бы разузнать побольше о человеке, во имя которого сражаются серые чужеземцы. До этой минуты я почти не имел представления о Генрихе. Знал только, что он уже больше четверти века правит Англией, Уэльсом и обширными землями за Узким морем⁷. Мой отец описывал его как человека упрямого и хитрого, которого следует опасаться и которому нельзя доверять. Король очень любит охоту и владеет половиной европейских языков. Этим мои сведения исчерпывались. Де Лиль вскоре расширил их, залившись соловьем. Я узнал об уме короля, его образованности, дальновидной политике. Одним из главных достижений Генриха стало то, что он оттеснил на второй план капетингских правителей Франции: сначала Людовика, а затем его сына Филиппа.

---

⁷ То есть за проливом Ла-Манш.

Мне вспомнилось, что Генрих выказал еще один свой талант, когда приехал в Ирландию несколько лет назад. Опасаясь, что в руках де Клера и ему подобных скапливается слишком много власти, созная угрозу от еще не усмирённых местных королей, он прибыл с сильной армией. И в короткий срок совершил почти невозможное: добился присяги на верность от ирландских вождей и вассальной клятвы от де Клера. Отныне и впредь Дублин и другие крупные города принадлежали Генриху, и, за исключением Ольстера, вся страна признала его законным монархом.

Де Лиль улыбнулся мне. Улыбаясь в ответ, я думал: «Это не мой король. Не король моего отца и моих братьев».

Колокольный звон из близлежащего аббатства позвал к службе шестого часа⁸. Де Лиль с трудом поднялся.

– Не могу медлить долее, – заявил он. – Немного найдется лордов и дам щедрее графини. Останусь еще на ночь и, ей-богу, напьюсь в стельку.

Я рассмеялся. Потом, поблагодарив де Лиля и пообещав прийти и проводить его, ушел.

Представляя, как добродушный глашатай выедет из ворот и поскачет в другой замок, распространяя весть о прибытии герцога Ричарда, я вдруг застыл как вкопанный. Из оцепенения меня вывело громкое проклятие: позади меня шел повар с пирамидой грязных сковородок – и едва не выронил их. Извинившись и дав ему пройти, я стал обдумывать пришедшую в голову мысль. И очень скоро пришел к ошеломительному выводу.

Униженный де Лилем в вечер рассказа про Тайбур, Фиц-Алдельм отправился ночью в конюшню, чтобы подрезать глашатаю подпругу. Тут у меня не было никаких сомнений. Прихватив Риса, я поспешно пересек двор и разыскал конюха, которому доверили лошадь де Лиля. Из почтения ко мне, занимавшему более высокое положение, он показал сбрую и седло. Моя догадка оказалась верной. По внутренней стороне подпруги шел аккуратный надрез. Слишком незаметный, чтобы броситься в глаза седлающему животное конюху, но достаточно глубокий, чтобы кожа лопнула под весом всадника.

О том, чтобы оставить все как есть, и речи не было. Если я ничего не предприму, ни в чем не повинный де Лиль получит увечье или погибнет. Если я сменю седло, он заметит. Более того, когда его собственное седло осмотрят, подозрение падет на меня самого. Однако выход все-таки был. Приказав молчать перепуганному конюху – а заодно и Рису, – я отправился на поиски де Лиля. Он только-только распрощался с графиней; любезная улыбка сошла с его уст, как только я выложил новость. Мы вместе осмотрели подпругу.

– Подлая работа, – произнес де Лиль, и его дружелюбное лицо сделалось суровым.

– Да, сэр, – ответил я, страхась неизбежного вопроса.

– Кто это сделал?

Скверный из меня был лжец в ту пору. Да и сейчас не лучше. Я кашлянул, с интересом разглядывая носки сапог.

– Адово пламя, парень!

Я покосился на наострившего уши конюха, и де Лиль понял мой намек. Резким движением головы велел парню выйти, он впери́л в меня взгляд, более строгий, чем я мог себе представить.

– Говори!

Я шепотом произнес имя Фиц-Алдельма и, когда де Лиль недоуменно уставился на меня, пояснил, о ком идет речь.

– Ты уверен?

---

⁸ Здесь и далее время дня указывается по богослужебному календарю, в соответствии с которым отсчет ведется примерно с шести утра.

Я рассказал, как все было. Про тень, крадущуюся через большой зал. Про уборную. Про то, как, глядя на лестницу, узнал Фиц-Алдельма. Про скрип петель и под конец про случившееся в сарае.

– И это все правда? – спросил де Лиль.

– Клянусь, сэр.

– Увы, но твое слово – не доказательство вины того человека.

«У кого еще нашлась бы причина так поступить?» – подумал я, но вслух сказал:

– Совсем не доказательство, сэр. Вот почему я заклинаю вас ничего не говорить графине.

– Ну, что-то я сказать обязан. Я ведь посланник герцога. – Де Лиль выпятил вперед грудь. – Королевский придворный!

– Я ведь не видел своими глазами, как он режет подпругу, сэр. Доказательств у меня нет, Фиц-Алдельм скажет, что я обознался и видел в замковом дворе кого-то другого. Что это не мог быть он. Будет его слово против моего: помазанный елеем рыцарь против ирландского дикаря. Графиня мне благоволит, но едва ли поверит мне, а не Фиц-Алдельму. Даже если мы поставим перед ней Риса, показания, которые он способен дать, немногого стоят.

– Тут ты прав, – пробормотал де Лиль. – Мне не хотелось бы выглядеть дураком перед графиней.

– А мне еще жить в Стригуиле, сэр, – сказал я, представляя, что сделает Фиц-Алдельм, узнав о выдвинутом мной обвинении. При первой же возможности сцапает ничего не подозревающего Риса. Паренек – твердый орешек, но перед напором Сапоги-Кулаки не устоит. А потом, узнав о моем присутствии в сенном сарае, сукин сын придет по мою душу. – Даже если Фиц-Алдельм не знает о моем участии, он заподозрит, что без меня тут не обошлось. Он хочет моей крови.

Произнося эти слова, я чувствовал холодок внутри себя. Всего через несколько лет я мог бы сразиться с Фиц-Алдельмом на любом оружии, уверенный, что побью его. Но тем летом я был совсем юнцом, еще малоопытным.

– Да не может такого быть! Ты же сам сказал, что он – благородный рыцарь.

Я выдал скорбный рассказ о моем плавании из Ирландии и заточении под большим залом, постаравшись как можно ярче обрисовать зверства Фиц-Алдельма. Я приложил руку к сломанным ребрам, потом задрал верхнюю губу, чтобы де Лиль увидел дырку на месте зуба.

– Это настоящая скотина, сэр. Злодей, – закончил я. – Молю вас, не выдвигайте обвинения.

Де Лиль ничего не ответил, но я чувствовал, что он колеблется.

Я послал осторожность к черту.

– А если, сэр, вы не станете называть в разговоре с графиней имени Фиц-Алдельма? – предположил я. – Это добрая и справедливая госпожа. Будьте уверены, она перетряхнет весь замок в поисках преступника. – Де Лиль кивнул с наполовину удовлетворенным видом, но я продолжил: – Тогда бремя вины неизбежно падет на конюха. – Видя, как омрачилось лицо де Лиля, я надавил еще сильнее. – А уж он-то ни в чем не виноват, я уверен. В жизни не видел такого отчаяния, как у него, когда я обнаружил надрез на подпруге.

Де Лиль хмыкнул, но решимость его таяла.

– Возьмите его на замену, господин. – Я указал на прекрасное седло, висевшее на стене. – Владелец мертв, и за минувшие шесть месяцев никто не заявил на него прав.

Мои слова были не совсем лживыми. Седло принадлежало одному рыцарю, отправившемуся в Крестовый поход. Он не станет нуждаться в нем еще года два, даже если выживет. А ко времени его возвращения меня, как я надеялся, давно уже не будет в Стригуиле.

Я возблагодарил Бога за то, что де Лиль согласился на мое предложение. Говоря по совести, к обмену глашатая мог побудить тот факт, что «новое» седло было куда лучше его собственного, сильно потертого. Для меня это значения не имело. Следующей заботой был конюх,

но я доходчиво объяснил ему, что случится, если о порче подпруги станет известно еще кому-нибудь. Перепугавшись, парень поклялся молчать и принял от меня два серебряных пенни, униженно поблагодарив за них.

Делая вид, что хочу разузнать побольше о Генрихе и его сыновьях, а на самом деле – желая убедиться, что намерения де Лиля не изменились, я пробыл в обществе глашатая до самого его отъезда. Со стены над главными воротами я наблюдал, как удаляется посланец. Он обернулся, увидел, как я машу на прощание, и помахал в ответ. Поудобнее устроившись в новом седле, он погладил пальцами фляжку с вином, которую я сунул ему незадолго до отбытия. То был превосходный напиток, украденный Рисом.

Склонность к уловкам – не та черта, которую я приветствую в других, тем более в себе самом. Но если бы я не поступил в ту минуту именно так, моя история могла бы закончиться тогда же, ведь Фиц-Алдельм был кровожадным псом.

Глава 5

Музыка и смех, звучавшие в донжоне, растекались в густом послеполуденном воздухе, долетали до склона близ реки Уай, где был я. Река блестящей серебряной лентой скользила вниз. Там и сям из воды выпрыгивали охотившиеся за мухой рыбины, и зеркальная гладь покрывалась рябью. Хотя день клонился к вечеру и солнце низко стояло над горизонтом, зной был жутким.

Я делал вид, что мне плевать на это веселье, но страстно желал оказаться в замковом дворе, а еще лучше – в большом зале. Незадолго перед тем прибыл герцог Ричард со своими людьми, и весь Стригуил гудел от возбуждения. Мне очень хотелось посмотреть на венценосного гостя, но я воспользовался превосходной возможностью поупражняться со столбом. Кроме Риса, на пологом берегу не было никого. Все рыцари и оруженосцы замка из кожи вон лезли, чтобы поглазеть на Ричарда или послушать его разговор с графиней Ифой и ее дамами.

Даже среди оруженосцев шла яростная борьба за право прислуживать за столом. Я занимал слишком низкое положение, чтобы меня подпустили к герцогу, – и, проглотив разочарование, решил не упускать случая. Я твердо вознамерился изучить английский уклад, чтобы научиться бить серых чужеземцев и Ирландии. Если я хочу постичь рыцарское дело, я должен уметь сражаться в поединке, а мне редко выпадала возможность получить тренировочный снаряд в свое полное распоряжение. Оседлав любимого жеребца, крепкого гнедого, который принадлежал моему другу Уолтеру, я велел недовольно ворчавшему Рису идти со мной.

Он был слишком маленького роста, чтобы достать до перекладины столба, и поэтому пользовался небольшим бочонком, подвешивая на крюк сплетенное из тростника кольцо после того, как я в очередной раз проносился мимо снаряда и нанизывал на копье еще одно кольцо. Их было уже четыре, но на последнее потребовалось несколько попыток, так как каждое кольцо, по моему указанию, было меньше предыдущего.

Заменяв кольцо, Рис махнул. Уверенный, что зрителей нет, раздосадованный неудачами, я стиснул ногами бока гнедого, как только малец соскочил с бочонка. Выученный конь сразу пошел в галоп. Неотрывно наблюдая за плетеным кольцом, я приблизился и нацелил на него острие копья. Попытка не удалась: то ли пот залил глаза, то ли расчет оказался неточным, уже не помню. Я пролетел мимо, а кольцо осталось висеть на перекладине.

– Вы почти попали, господин, – пропищал Рис, когда я вернулся.

– Чуть-чуть корову не покроешь, – отозвался я раздраженно, вспомнив старинную пастушью поговорку.

Доехав до границы ристалища, я прошептал короткую молитву и развернул коня мордой к столбу. Верный друг, гнедой подчинился с охотой и помчался к цели, взбивая копытами пыль.

Снова промах.

Огорченный, но не обескураженный, я продолжил упражнение. И с четвертой попытки достиг успеха. Ликуя, я вскинул копье, чтобы кольцо соскользнуло по древку, присоединившись к остальным.

– Подвесить еще одно, сэр? – спросил Рис, уже подкатывавший бочонок к месту.

– Давай передохнем.

Мысли мои устремились к меху с водой, лежащему у составленных в козлы копий. Нагревшаяся на солнце вода отдавала кожей и салом сильнее обычного, но мне слишком хотелось пить, чтобы обращать на это внимание.

Подбегавший Рис подхватил поводья с ловкостью заправского оруженосца, и я соскользнул со спины гнедого. Поставив копье рядом со всем прочим, я потрепал парня по голове.

– В горле пересохло небось?

– Ага, господин.

Как верный пес, он ждал, пока я не утолю жажду, потом, запрокинув простроченный двойным швом мех, принялся жадно пить: я даже испугался, что он лопнет.

Почуввав воду, гнедой тихонько заржал.

Ощувив укол совести – наверное, мы упражнялись добрых два часа, – я сказал:

– Давай отведем коня к реке. И ты, должно быть, проголодался.

Глаза у Риса заблестели.

– До смерти, сэр!

– Ты прямо как бездонная яма, – беззлобно укорил его я.

Признаться, я привязался к мальцу, а заодно научился ценить его. Достаточно неприметный, чтобы не привлекать к себе внимания, остроглазый, он был еще и смышлен. Благодаря ему я узнавал все замковые сплетни раньше большинства других.

– Сначала окунемся в Уай, потом возвратимся в донжон. Раз герцог приехал, во вкусных яствах недостатка не будет, так ведь?

Рис не ответил.

Удивившись, я заметил, что взгляд его устремлен мне за спину, и повернулся.

– Что это у нас тут? – процедил знакомый голос.

– Фиц-Алдельм, – сказал я, стараясь сохранять вежливый тон. – Упражняюсь со столбом, только и всего.

– Лошадь украл, так?

Беспочвенное обвинение разозлило меня, но я спокойно ответил:

– Я не крал. Уолтер разрешает мне брать коня.

– Уолтер? Ты хотел сказать, Толстобрюх?

Он издал ехидный смешок.

Мой приятель был не дурак поест, но будь я проклят, если бы согласился с Фиц-Алдельмом. Я промолчал.

– Как понимаю, ты упражняешься в это время, чтобы никто не увидел, как ты плох?

Сапоги-Кулаки оглянулся на своих спутников, кучку придворных рыцарей, и те послушно загоготали.

– Вроде того, – сказал я, стараясь избежать неприятностей. Но я подозревал, что, вопреки всем стараниям, мне от них не уйти. Решив, что гнедой с таким же успехом напьется в замковом дворе, как из реки, я взял поводья. – Пойдем, Рис.

– Нет нужды прекращать упражнение из-за нас, – сказал Фиц-Алдельм, подъезжая к нам. Он был облачен в гамбезон и длинную кольчугу, а под правой рукой держал шлем. За спиной болтался на длинном ремне маленький круглый щит, а меч служил окончательным доказательством того, что Сапоги-Кулаки, Фиц-Варин и остальные его спутники, вооруженные так же, приехали сюда попрактиковаться.

В голове у меня звенел тревожный набат, помешавший отметить это важное обстоятельство. Мне для занятий доспех не требовался, поэтому я был в одной тунике и в штанах.

– С вашего позволения, – сказал я, стараясь провести гнедого мимо Фиц-Алдельма.

Рыцарь с ухмылкой преградил мне путь. С волосами черными, как вороново крыло, резкими чертами лица, он выглядел весьма внушительно по сравнению со мной.

– С вашего позволения, – повторил я.

Он не удостоил мою просьбу ответом.

– Со столбом, я уверен, ты уже сладил, – произнес он. – Теперь тебе стоит поупражняться с мечом и щитом.

Усталый и проголодавшийся, я прозевал ловушку. Указав на покрытую пятнами пота одежду, я брякнул, не подумав:

– У меня снаряжения нет.

– Это мы быстро исправим, – проворковал Фиц-Алдельм.

Сердце у меня екнуло при виде того, как один из его ухмыляющихся дружков, коренастый детина пяди на две ниже меня, расстегнул пояс, снял кольчугу и гамбезон.

Я не сделал ни шага по направлению к доспеху, а также положенным поверх него шлему, щиту и мечу.

– Облачайся, – приказал Фиц-Алдельм, указав носком ноги.

Я колебался, прекрасно понимая: моего умения не хватит, чтобы побить его.

Спутники рыцаря тут же стали отпускать замечания.

– Трус, – бросил Фиц-Варин.

– Мокрые штанишки, – добавил другой.

Эти слова били, как пощечина. «Не слушай!» – твердил я себе, но кулаки сами собой сжимались.

Рис потянул меня за рукав.

– Пойдемте отсюда, сэр, – прошептал он.

– Ставлю десять серебряных пенни, – объявил Фиц-Алдельм, – что, если мы вскроем этого ирландского пса, печень у него окажется пожелтевшей от испуга.

От грубого смеха, которым встретили эту шутку, глаза мне застил кровавый туман. Вырвавшись из хватки Риса, я оказался на полпути к доспехам коротышки прежде, чем Фиц-Алдельм успел сообразить, что происходит.

– Ага, кое-какой задор в нем есть.

Фиц-Алдельм наблюдал, как я натягиваю через голову потный, вонючий гамбезон, и хохотнул, увидев, что он доходит мне только до пояса.

Заметив ехидные усмешки рыцарей, я сообразил, что таково было их намерение с самого начала. Кольчуга тоже оказалась чересчур короткой, только шлем с надетой под него шапочкой из овчины пришелся впору. Щит был подходящим, меч – вполне пригодным: длинный, прямой, с обоюдоострым клинком и рукоятью, обмотанной ремнем. Поглядев на суровые лица Фиц-Алдельма и его спутников, я решил не спрашивать насчет кожаных чехлов, которые надевали иногда на клинки во время тренировок. Не стыжусь признаться, что внутри у меня все сжалось от страха – я понимал, что едва ли выйду невредимым из этой переделки. Быть может, Господь желает, чтобы я погиб здесь, подумал я, сожалея о том, что не сдержался.

– Готов? – спросил Фиц-Алдельм.

Не глядя на него, я сказал по-валлийски Рису:

– Возвращайся в донжон. Накорми и напои коня, потом иди в кухню. Я сказал повару, чтобы он тебя покормил.

Фиц-Алдельм впервые обратил внимание на Риса. Он явно узнал мальчишку, но и только, слава богу. Не зная о нашей встрече в сенном сарае, рыцарь не мог заподозрить, что наше знакомство началось в то утро, когда он подрезал подпругу на седле де Лиля.

– Проваливай, – буркнул Фиц-Алдельм.

– Ступай, – велел я.

Рис не сдавался, как маленький бойцовый петушок. Не в силах заставить его и опасаясь, как бы кто из рыцарей не обидел его, я крикнул:

– Готов!

Внимание всех переключилось на меня.

Дружки Фиц-Алдельма обступили нас, образовав неровный круг, Рис держался в нескольких шагах поодаль. И мы начали.

Я рос с секирой в руке, этим сокрушительным оружием, перенятым у викингов. Упражнялся я и с мечом, а со времени приезда в Стригуил немало времени проводил в поединках с братьями-оруженосцами. Но я не был рыцарем. Фиц-Алдельму было лет двадцать пять, и это означало, что он не расстается с мечом по меньшей мере пятнадцать лет. Зная это, я изна-

чально понимал, что меня ждет поражение и, вероятно, серьезные травмы, и решил наступать, двигаясь наподобие тарана. В этом, как я решил, заключалась моя единственная надежда.

Мой натиск застал Фиц-Алдельма врасплох. Устремившись вперед, я обрушил могучий удар на его щит и едва не сбил его с ног. Еще многие годы спустя я готов был отдать все, чем владею, лишь бы победить тогда. Но со временем пришел к мысли, что тогда жизнь моя пошла бы по совсем другому пути, и, осознав это, смирился.

Фиц-Алдельм попятился, пошатнувшись от столкновения, и мне не составило труда нырнуть под его руку, поднявшуюся в неточном ответном замахе. Я снова прыгнул на него и ухитрился довольно неплохо врезать ему по шлему. Рыцарь покачнулся, отступил еще на шаг, и сердце мое запело. Иисус милосердный, каким я был тогда наивным. Сочтя бой выигранным, я бросил ликующий взгляд на Рису. На его лице я увидел не улыбку, но страх. Я повернулся обратно к Фиц-Алдельму – слишком поздно.

Невероятной силы удар обрушился на мой шлем с левой стороны. Все колокола христианского мира разом зазвонили у меня в голове, оглушив напрочь. Зрение затуманилось, челюсть отвисла, колени подогнулись, и земля устремилась навстречу моему лицу с пугающей скоростью. Едва дыша, с идущей кругом головой, я лежал там, беспомощный, как дитя, в ожидании смертной боли, когда Фиц-Алдельм вонзил меч в выбранное им место. Выросший в мире, где поединки велись без правил, и помня прежние побои от Фиц-Алдельма, я полагал, что рыцарь без промедления закончит схватку.

– Поднимайся!

Его глухой голос доносился будто издалека.

Стоило приподнять голову, как накатила тошнота. Фиц-Алдельм стоял примерно в полудюжине шагов, держа щит и меч на изготовку. Ко мне он не приближался. Убежденный, что рыцарь нападет, пока я беззащитен, я потянулся к мечу. Ощущение массивной рукояти под дрожащими пальцами почти не подбодрило меня, но сдаваться я еще не был готов. Шатаясь, подавляя позывы к рвоте, я кое-как поднялся.

Фиц-Алдельм налетел на меня, как волк на ягненка. Надо полагать, он нанес три удара против моего одного – жалкого усилия, не способного остановить и ребенка. Я снова сделал выпад, и рыцарь с презрительным смехом шагнул назад. Я двинулся за ним, но он обогнул меня прежде, чем я успел развернуться, и рубанул сзади по ноге. К счастью, удар был нанесен плашмя, иначе он разрубил бы мне сухожилие. Но все равно боль была сильной – как если бы чокнутый кузнец огрел меня молотом по черепу. Только ослиное упрямство помогло мне устоять на ногах, да еще то обстоятельство, что я упер меч острием в землю.

Фиц-Алдельм нацелил клинок в прорезь моего шлема.

– Сдавайся!

Я зло посмотрел в ответ. Меня тошнило, голова кружилась, в эту минуту я не смог бы одолеть даже Рису.

– Не буду! – процедил я.

– Сдавайся! – рявкнул Фиц-Алдельм, наступая.

– Сдавайтесь, сэр! – послышался умоляющий голос Рису. – Иначе он вас убьет.

Молодой дурак, я решил, что лучше смерть, чем позор поражения. Я вырвал острие из земли и направил меч на Фиц-Алдельма.

– Амадан, – прохрипел я.

Он шагнул вперед с яростным рыком.

Не в силах поднять щит, я приготовился предстать перед Богом.

– Стой!

Я почти не слышал выкрикнутой команды. Удивленный, что еще дышу, я в смятении посмотрел на Фиц-Алдельма. Сжав рукоять меча, он упал на одно колено и склонил голову.

– Сир, – произнес рыцарь.

Я повернулся – слишком стремительно. Голова закружилась, как детская юла. Все заплясало перед глазами, и я повалился, успев заметить высокого мужчину в красной тунике.

Больше я ничего не помню.

Хотел бы я сказать, что первая моя встреча с герцогом Ричардом была торжественным событием. Но нет – я отплевывался и фыркал после того, как меня окатили из бадьи водой, зачерпнутой в реке. Я понял, что лежу на спине. Надо мной сомкнулся круг лиц: озабоченное – Риса, каменное – Фиц-Алдельма, физиономия коротышки, в доспехах которого я сражался, Фиц-Варина и еще нескольких, незнакомых мне. У одного из чужаков, одетого в тунику из дорогой красной материи, были золотисто-рыжие волосы и пронзительные голубые глаза. Это, должно быть, герцог, решил я. Де Лиль часто пускался в излияния относительно львиной гривы Ричарда.

– С возвращением в страну живых.

В тоне герцога сочетались сострадание и веселье.

– Да-а, сир, – протянул я. Напуганный и оробевший вопреки себе, я не знал, что еще сказать, поэтому не сказал ничего.

– Встать можешь?

– Думаю, да, сир.

Он протянул руку и одним мощным движением поднял меня на ноги. Тем жарким летом я уже был выше большинства мужчин, и тем не менее Ричард возвышался надо мной. С длинными руками и ногами, крепко сложенный, это был настоящий великан. Меча при нем не было, но на кожаном поясе болтался кинжал.

Позабыв про наставления отца, я склонил голову и упал на дрожащее колено.

– Сир!

– Поднимайся, – велел герцог. – А то снова на спине растянешься.

Все захохотали, даже Рис.

– Сир.

Я не обиделся: в голосе Ричарда не слышалось издевки.

– Как тебя зовут?

– Руфус, сир.

Уголки его губ приподнялись.

– Подходящее имечко.

– Рожденный как Фердия О Кахойн, сир, – ответил я и добавил в качестве пояснения: – Я ирландец.

– Я заметил, что французский язык для тебя не родной. Как ты оказался в Стригуиле?

– Я заложник, сир.

– А, тот самый дикарь-ирландец! – полунасмешливо воскликнул Ричард.

Я подавил секундный приступ гнева.

– Сир.

– Ирландцы – могучие воины. По крайней мере, такая ходит о них молва.

Я спал с лица.

– Сейчас я показал себя не лучшим образом, сир.

– Это точно. – Внимание герцога переключилось на Фиц-Алдельма, который счел эти слова признанием его победы и хмыкнул. Но улыбка сошла с его лица, когда Ричард рывкнул: – Назови свое имя и титул!

– Фиц-Алдельм, сир. Рыцарь двора графини.

– Этот Фердия... Руфус – твой оруженосец?

– Нет, сир.

– Рад это слышать, ибо недостойно рыцаря облачать своего оруженосца в такой скверный доспех. – Ричард указал на взятые мною займы гамбезон и кольчугу. – Они ему слишком малы.

Лицо Фиц-Алдельма, понявшего, что почва под его ногами нетверда, сделалось настороженным.

– В обычае у рыцарей упражняться, сражаясь друг с другом, а не с заложниками. Так чего ради ты устроил схватку с Руфусом?

Ричард уловил, что здесь не все чисто. Руководствуясь острым чутьем на правду и ложь, герцог допрашивал бы Фиц-Алдельма, пока не добрался бы до истины, не ответь рыцарь так, как он ответил:

– Будучи ирландцем, парень не отличается умениями, сир. Я предложил научить его паре приемов, вот и все.

Фиц-Алдельм с деланным безразличием пожал плечами.

– А что скажешь ты? – потребовал от меня ответа Ричард.

Я давно уже принял решение. Фиц-Алдельм – опасный противник, никогда не стоит об этом забывать. Уж лучше ничего не сказать, подумал я, чем выставить себя слабаком перед герцогом.

– Все так, как он говорит, сир, – ответил я, кивком указав на Фиц-Алдельма. – Мы упражнялись и слегка раззадорились. Слава богу, я не слишком пострадал.

Голубые глаза Ричарда переместились с меня на моего врага, потом скользнули по остальным присутствующим. Приятели Фиц-Алдельма энергично кивали. По счастью, взгляд герцога не упал на Риса. Слишком юный для того, чтобы осознать причины моей лжи, он весь пылал от возмущения. Я зыркнул на него, и малец притих.

– Здесь кроется нечто большее, чем видно глазу, но мне недосуг выяснять, – произнес Ричард, глядя на Фиц-Алдельма. – В будущем обращайся с заложниками графини бережнее. Не подожди я вовремя, душа Руфуса была бы уже на полпути к небесам. Представь, что случится, когда эта новость дойдет до Ирландии. Графиня не обрадуется, если неосмотрительность одного из ее людей разожжет там мятеж.

Фиц-Алдельм пробормотал извинения, но я видел, с какой ненавистью смотрел он на меня, когда герцог заговорил снова:

– Ты должен научиться хорошо обращаться с мечом, Руфус, иначе из тебя не выйдет рыцаря.

– Да, сир, – ответил я, краснея, как юнец, пойманный на том, что пялится на женскую грудь, и ненавидя себя за это.

Ричард пошел дальше, хлопнув в ладоши, чтобы привлечь внимание.

– Вернемся к нашему делу. Мне сказали, что кое-кто из вас желает присоединиться к моему двору. Покажите, почему мне следует принять у вас клятву верности.

Я повернулся. Здесь были десятка два рыцарей графини, облаченных для боя. Фиц-Алдельм и его дружки пришли пораньше, чтобы поразмяться. Теперь им предстояло сражаться друг с другом на глазах у герцога. Стянув с себя кольчугу и гамбезон, я вернул их коренастому рыцарю. Мне и Рису пора было уходить – нам не подобало оставаться тут.

«Помни про Кайрлинн, – думал я, пока мы топали по пыльной тропе к донжону. – Англичане – враги. Ричард – враг».

Всю дорогу меня раздирало надвое – половина меня жаждала выставить себя в наилучшем свете перед герцогом Аквитанским.

Глава 6

Начинался вечер. Покончив со своими обязанностями, оруженосцы гурьбой отправились на реку. Из-за необычайно затянувшейся жары этот поход стал ежедневным – мы мечтали о нем, пока полировали песком кольчуги или вычищали стойла. Мы валялись на нагретой солнцем травке, потягивали вино из фляжек и отмахивались от мух. Было много похвальбы про амурные похождения, ее встречали громким хохотом и предположениями о том, что рассказчик наплел с три короба. В ходу также были байки про охоту и попойки. Много говорили и про герцога Ричарда, который уже несколько дней вербовал валлийских лучников для своей аквитанской армии.

Все еще оставаясь чужаком, я сидел с краю и редко принимал участие в разговоре.

– Говорят, герцог заберет с собой двадцать рыцарей, когда уедет, – сказал Хьюго, один из оруженосцев, которого я числил среди друзей. Он швырнул камень. Далекий всплеск сообщил о падении камня в Уай.

– Говорят. А значит, с ними будет столько же оруженосцев. – Тон Бого был до предела самодовольным. Его хозяин, как и Фиц-Алдельм, оказался среди избранных, и Бого не упускал случая напомнить всем об этом. – Эх, слава и богатства, что ждут за Узким морем! А еще вино. И женщины.

– В Стригуиле у тебя с женщинами не ладилось. Если не считать шлюх, конечно, – вставил Хьюго. – С чего ты решил, что в Аквитании повезет больше?

В ответ на посыпавшиеся намеки и шуточки Бого показал Хьюго непристойный жест.

Не обращая на них внимания, я погрузился в свои мысли. Не было и речи о том, чтобы я поехал с герцогом Ричардом. Графиня никогда бы не разрешила, а бегство без ее согласия могло навлечь гонения на мою семью. Пока я вместе с прочими оруженосцами грезил о славных подвигах в Аквитании, совесть укоряла меня в изменнических помыслах о службе под началом королевского сына. Мне полагалось вернуться в Ирландию и повести борьбу против английских захватчиков. Вскоре я пришел в уныние. Заложники, как правило, проводили в неволе от трех до пяти лет, иногда и больше.

И это еще не все. Расставаясь с отцом, я не отдавал себе отчета, что, если он возьмется за оружие – пусть даже не по своей вине, – мне придется остаться в Стригуиле. Ни один властитель в своем уме не возвратит заложника в страну, охваченную мятежом. Если моя семья взбунтуется, Ифа может меня казнить. Обычное дело для ирландских вождей: верховный король Руайдри лишился таким образом двоих сыновей. Я твердил себе, что мой отец не так глуп, чтобы поднять восстание против повелителя, что Ифа добросердечна и не прикажет умертвить меня, как собаку.

Суровая правда заключалась в том, что мне суждено было оставаться там. Жизнь тут не так уж ужасна, убеждал я себя, и станет лучше после отъезда Фиц-Алдельма. Я смогу упражняться на ристалище сколько душе угодно, охотиться в лесах за рекой. Смазливой шлюшке из таверны приглянулись мои рыжие волосы, и я надеялся провести немало приятных ночей в ее обществе. Я делал немалые успехи во французском, даже немного научился писать. Иногда удавалось встречаться с Изабеллой, милым ребенком. И тем не менее меня переполняло недовольство. Стригуил – не мой дом. Решеток нет, и все-таки я живу как в тюрьме. Мне вспомнились соколы в замковом питомнике. Яростные красивые птицы, которым дозволено охотиться только по воле хозяев, и всякий раз они обязаны возвращаться к затянутой в перчатке руке, колпачку и, наконец, в клетку.

Я грыз ноготь на левом большом пальце – этой привычке я предавался, когда был несчастен или расстроен. Мой взгляд рассеянно скользил по кучке оруженосцев. Бого размахивал руками, рассказывая про французских рыцарей, которых возьмет в плен на турнирах. Его гро-

могласные разглагольствования о том, какой он затребует выкуп и каких женщин уложит в койку, казались мне скучными до слез. Хьюго состроил гримасу, показывая, что он придерживается того же мнения, и передал мне фляжку.

Вино было теплым, но все равно приятным – не та похожая на уксус кислятина, которая обычно доставалась нам, оруженосцам. Когда я сделал третий большой глоток, Хьюго дал мне локтем по ребрам.

– Эй, хорош, пес ты этакий!

Я урвал еще глоточек и вернул флягу.

Хьюго взвесил в руке изрядно полегчавшую посудину и сердито глянул на меня.

– Завтра вечером твой черед добывать вино, – объявил он.

– Да я и так собирался.

Он фыркнул и улегся на спину, прикрыв ладонью глаза от еще яркого солнечного света, лившегося с запада.

Бого не утихал, но кое-кто из оруженосцев решил попытать счастья в рыбной ловле. Вооружившись удилищами и лесой, они спустились на берег, к блестящей глади реки. Я смотрел поверх них на противоположный берег, поросший густым кустарником. Дальше простирался пышный луг, а за ним начинался лес из бука и березы; ветви их, усеянные густой летней листвой, опускались почти до земли.

Мне хорошо были знакомы эти места. Леса тянулись до самого устья Северна. Здесь, в Уэльсе, не действовали суровые лесные законы, согласно которым пойманного за охотой человека могли ослепить, а то и оскотить. Я часто переправлялся в челне на тот берег вместе с Рисом, прихватив лук и стрелы. Примерно через раз мы возвращались с пустыми руками, но в остальных случаях ликовали, таща кроликов или птиц. Однажды я подстрелил кабана. Господи Иисусе, я чуть спину не надорвал, пока пытался погрузить его в лодчонку. Той ночью аппетитный запах жарящегося мяса распространился по большому залу, и даже Бого держался по-дружески.

На замковой стене пропел рог. Один раз, два, три. Моему уху сигнал ничего не говорил, но, видя, как вскочил Хьюго, я предпочел последовать его примеру.

– Что такое?

– Ворота закрываются, – сказал Хьюго, нахмурившись. – Лучше нам вернуться.

Мы поспешно покинули берег; оруженосцев явно охватило беспокойство. То и дело рождались невероятные домыслы о том, из-за чего прозвучал рог: Ричард снова восстал против отца и захватил Стригуил; в селении вспыхнула чума; местные валлийцы, сидевшие тихо уже три года, взбунтовались.

Когда мы достигли стен, ворота были еще открыты. Я не видел повода для тревоги, но облегченно выдохнул, оказавшись в замковом дворе. В нем, однако, царил полнейший беспорядок. Конюхи суетливо седлали коней. Облаченные в доспехи рыцари нетерпеливо расхаживали, то переговариваясь между собой, то требуя лошадей. У ворот строились под началом угрюмого сержанта солдаты. Лучники собрались у оружейной, на пороге которой им выдавали луки и стрелы.

– Что, бога ради, тут происходит? – спросил я у Хьюго.

– Мне известно не больше твоего.

Наш отряд рассыпался, когда рыцари, заметив своих оруженосцев, стали звать их к себе. Наскоро попрощавшись, Хьюго убежал. У меня хозяина не было, поэтому я слонялся без дела. Я перехватил одного из проходивших мимо жандармов.

– Нам грозит нападение?

– Возможно, – коротко бросил он.

– Со стороны валлийцев?

– Ага. Замок Аск в осаде. Вышлем туда дозор, а завтра утром герцог Ричард поведет остальных.

Мне довелось побывать однажды в Аске, вместе с графиней. Замок лежал менее чем в дне пути верхом к западу от Стригуила. Если память мне не изменяет, он был захвачен валлийцами за несколько лет до того, но потом вернулся к владельцу – сеньору, принесшему вассальную клятву Гилберту, сыну Ифы. Теперь же коренным жителям, видимо, надоело английское ярмо. Я приободрился. Сто лет минуло с тех времен, как Вильгельм приплыл сюда из Нормандии через Узкое море, но валлийцы оставались непокоренными.

Мгновение спустя примчался Хьюго с именем Уолтера на устах, и я выругал себя за беспамятство. Наш друг уехал несколько дней тому назад вместе с хозяином, рыцарем двора, по поручению графини.

Аск был в числе замков, которые они собирались посетить.

В тот вечер Ричард собрал в большом зале военный совет. Высокий, красивый, с длинными руками и ногами, могучего сложения, он притягательно воздействовал на всякого, до кого доносился его зычный голос. Излагая свой план, он расхаживал взад и вперед. Каюсь, я еще сильнее поддался его чарам.

Мы, оруженосцы, стояли за большими столами, где расселись рыцари графини и Ричарда. Среди последних были вернейшие соратники герцога, например Андре де Шовиньи, его двоюродный брат и прославленный воин. До тех пор пока кубок нашего хозяина был полон, мы имели неограниченную свободу передвижения. Окруженная своими дамами, воздерживавшаяся от вина Ифа располагалась на невысоком помосте в конце зала и внимательно слушала. Кресло рядом с ней, предназначенное для Ричарда, пустовало – он был слишком деятельным, чтобы долго сидеть на одном месте.

В прежние времена присутствие Ифы, возможно, заставило бы меня вскинуть брови. Даже в Ирландии, где знатные женщины имели больше доступа к власти, они не лезли в военные дела. Не думаю также, что графиня замещала Гилберта, слишком юного, чтобы участвовать в совете. Просто она была из другого теста, чем большинство представительниц ее пола.

Сначала мы выслушали посланца из Аска. Рано утром большой отряд валлийцев напал на деревню близ замка, поджег дома и перебил жителей. Хотя донжон грабителям взять не удалось, часть гарнизона погибла. Обложив замок, валлийцы явно вознамерились взять его измором.

– Такие вероломные нападения часты здесь, миледи? – спросил Ричард у Ифы. – Вести из Валлийской марки редко доходят до Аквитании.

– Несколько лет назад Аск был взят, но потом отбит, сир. С тех пор держался мир. Это нападение – как гром среди ясного неба.

– Громом мы на него и ответим! – воскликнул Ричард. – Валлийцев следует наказать.

Зазвенели сдвигаемые кубки. Возгласы «Герцог Ричард!» и «Де Клер!» понеслись к прокопченным балкам. Я присоединился к ним, но без восторга. Валлийцы не были мне врагами. Заметив отсутствие энтузиазма, Хьюго упрекнул меня:

– А как же Уолтер?

– Может, он и не в Аске, – возразил я. – Если Бог милостив, Уолтер сейчас далеко оттуда.

– А вдруг он в замке? Что, если бедолага вообще мертв? – парировал Хьюго.

Пристыженный и растерянный, я смотрел вслед приятелю, отправившемуся прислуживать своему хозяину. Шанс, что Уолтер может погибнуть, весьма призрачен, твердил я себе. А вот то, что он в Аске, весьма вероятно. Если крепость падет, его убьют без колебаний. Осознание этой неприятной мысли заставило меня принять решение.

Не мытьем, так катаньем я должен попасть в отряд Ричарда.

Хьюго охотно вызвался помогать в исполнении моего плана, одолжив мне свой запасной, латаный-перелатанный гамбезон и знававший лучшие дни остроугольный щит. Украденная фляжка с вином и серебряный пенни помогли мне заполучить из оружейной меч и старенький шлем из стальных полос. У меня не было кольчуги, как и у Хьюго. Раздобыть коня оказалось куда труднее. Но благодаря случайной утренней встрече с возбужденной Изабеллой, пришедшей в замковый двор поглазеть на сборы, я обзавелся крепким беспородным жеребчиком, которого мне выдали по ее распоряжению. Он был мелковат для меня, но я был счастлив уже оттого, что у меня есть лошадь.

Сутолока была такая, что наши с Хьюго приготовления никто не заметил. Замковый двор был забит телегами, лошадьми, возницами, рыцарями, оруженосцами, пехотинцами и лучниками. Помешать нам могли только графиня, которая нигде не появлялась, Бого и Фиц-Алдельм. К счастью для меня, эти двое отправились в путь раньше, в составе передового отряда из дюжины воинов, которому поручили разведывать дорогу. Допускаю, что другие оруженосцы могли бы возразить против моего присутствия, но они, хвала Господу, не стали этого делать.

Подготовить к походу армию, пусть даже небольшую, требует времени: когда герцог Ричард вывел нас за ворота, уже звонили шесть. Он ехал впереди вместе с Андре де Шовины и другими своими рыцарями, а также половиной дружины из Стригуила. В общей сложности у него было тридцать пять рыцарей. Дальше ехали оруженосцы, за ними следовало с полсотни лучников и столько же солдат. Замыкал колонну обоз, охраняемый разношерстным отрядом из стрелков и пехотинцев.

Стоял очередной погожий день. Солнце горело в голубом небе, не виднелось ни облачка, в воздухе – ни единого дуновения. Пот лился с меня градом, причем не столько от жары, сколько от лихорадочного возбуждения. Я переживал за Уолтера, но ликовал при мысли о битве, упиваясь запахами пота, масла, кожи и лошадей. Крики и приказы. Песня, подхваченная рыцарями. Благословение от стоящего на обочине священника и непристойные призывы со стороны пары шлюх, пришедших проводить нас. Скрип тележных колес, собачий лай. Стайки мальчишек, изображая англичан и валлийцев, бежали вдоль дороги, обмениваясь ударами копий, сделанных из палок.

Я обернулся и разглядел Риса, стоявшего на стене. Я помахал ему на прощание, он сделал вид, что ничего не заметил.

Хьюго обратил на это внимание.

– До сих пор злится?

– Аж слюной брызжет, – с ухмылкой отозвался я. – Божился, что, если я возьму его с собой, он убьет по меньшей мере десятерых валлийцев.

Мальчишку ничуть не смущало то, что он собирается сражаться со своими соплеменниками. Впрочем, это так было всегда и везде.

– Он напоминает мне Лоскутка, – проговорил Хьюго.

– И ты не ошибаешься, – со смехом согласился я. Пес главного конюха был самым настоящим терьером, задиристым и упорным. Лоскуток считал, что он куда крупнее, чем на самом деле.

Мы шли в поход.

От Стригуила до Аска по дороге – примерно пятнадцать миль, по прямой – несколько меньше. Язык не поворачивается назвать путь, которому мы следовали, дорогой. То была всего лишь проделанная повозками тропа, узкая и немощеная. Изрезанная глубокими колеями, но благодаря хорошей погоде не покрытая грязью, как обычно, она кое-где шла прямо, а в других местах извивалась и петляла, как змея. По обеим ее сторонам тянулся лес, перемежаясь с обширными пустошами, поросшими низкорослым вереском и дроком.

Там, где местность была ровной, мы, всадники, двигались быстрее. В колонне появлялись разрывы – между нами и пешими солдатами, а также между ними и повозками. Ричард, опытный военачальник, постоянно приказывал остановиться и сомкнуть ряды. Подобные бреши были чреваты нападением, особенно опасным для уязвимого, неповоротливого обоза.

По пути мы то и дело видели Ричарда, но только издали. Я сгорал от желания скакать среди его рыцарей в блестящих кольчугах, но, естественно, вынужден был довольствоваться местом среди оруженосцев. Я вытягивал шею, стараясь поймать герцога взглядом на поворотах или в то время, когда передовой отряд поднимался на холм. Надежда приблизиться к нему появилась, когда на привале оруженосцы решили убедиться, что у их господ имеется все необходимое. По правде говоря, с их стороны это тоже был повод подобраться к герцогу – всем хотелось находиться рядом с ним, – и я не упустил случая. Отмахнувшись от Хьюго, предостерегавшего, что патруль Фиц-Алдельма может вернуться в любую минуту и тогда мне наверняка конец, я повернул своего конька вслед за лошадей друга и отправился вместе с ним.

Подъехав поближе к герцогу и его рыцарям, мы выяснили причину остановки. Слева от тропы журчал быстрый ручей – появилась прекрасная возможность напоить лошадей. Ричард по праву сделал это первым и теперь наблюдал, как рыцари по очереди подводят коней к потоку. Заметив это, оруженосцы поспешили на помощь. Мне же пришлось сторожить их лошадей. В смущении я наблюдал, как герцог ведет беседу с несколькими рыцарями в каких-нибудь двадцати шагах от меня. Солнечные блики играли на хауберках⁹ и кольчужных штанах, защищавших ноги.

До этой минуты меня заботило только то, как поучаствовать в походе к Аску. Теперь, оказавшись далеко от стен Стригуила, глядя на облаченных в броню герцога и его спутников, я остро ощутил отсутствие доспехов. При мысли о валлийских копьях и стрелах по спине забегали мурашки. Обозлившись – ведь ирландские воины не носили кольчуг, которых не было и у большинства оруженосцев, – я убеждал себя, что валлийцы обратятся в бегство, стоит им увидеть рыцарей Ричарда.

Видимо, так считали все: никто не обращал внимания на противоположный берег ручья и росшие там деревья. С облегчением передав коней оруженосцам, рыцари умывали лица, пили воду из дорожных мехов, переговаривались между собой. Оруженосцы сутились, водя коней к берегу и обратно. И только я, вынужденный держать поводья, имел досуг смотреть куда в голову взбредет. По правде говоря, мысли мои были заняты герцогом Ричардом, так что я лишь случайно бросил взгляд на другой берег быстрого ручья.

И застыл от ужаса, увидев между деревьями около дюжины фигур, скользивших, словно зловещие призраки. Эти люди, облаченные в темные туники и штаны – а некоторые с голыми ногами, – были вооружены копьями или луками. У многих имелись круглые щиты, примерно у четверти – шлемы. Я еще набирал в грудь воздуха, чтобы поднять тревогу, когда засвистели первые стрелы. Нацеленные в коней, три с лишним десятка которых собрались на тесном пространстве, они не могли пролететь мимо. Усилием воли оторвав взгляд от пугающей картины, я понял, что нападающие пойдут двумя волнами. Лучники образовали редкую цепь, между ними поместились копейщики. Первые должны были посеять панику, а вторые, пользуясь растерянностью и испугом, нанести удар. Хьюго стоял спиной к врагу, совсем рядом с ручьем, и подвергался смертельной опасности.

Я забыл, как бросил поводья. Помню только, как я бежал во весь дух к берегу, пока щит колотил меня по спине, и орал, что на нас напали.

– Хьюго! – закричал я. – Хьюго!

Он услышал, как и двое других. При всех, слава богу, имелись щиты, иначе они уподобились бы птицам, покрывшись оперениями стрел.

---

⁹ Хауберк – длинный кольчужный доспех.

Все висело на волоске: мы достигли отмели как раз в тот миг, когда валлийские копейщики обрушились на нас в сопровождении брызг и воинственных воплей. Мы одновременно опустили щиты, которые держали над головой для защиты от стрел, – получилась небольшая стенка. Наши мечи вылетели из ножен.

– За герцога! – взревел Хьюго.

Еще два голоса подхватили клич. Я выкрикивал оскорбления по-ирландски.

Помню пронзительное ржание раненых коней в тот миг, когда копейщики обрушились на нас. Лучше вооруженные, с остроугольными щитами и в шлемах, мы, однако, безнадежно уступали противнику числом. Я подумал, что скоро мы превратимся в иссеченные клинками трупы. Ком подкатил к горлу, мне хотелось повернуться и бежать. Не желая выказать себя жалким трусом, я сомкнул колени.

Позднее я с улыбкой думал: как близок я был к тому, чтобы сложить голову у того безымянного ручья, сражаясь с людьми, стремившимися убивать моих же врагов, англичан. Однако в те чертовы мгновения я ощущал только сжимающий потроха страх и отчаянную жажду выжить. Обезумевшие от ярости боя валлийцы мчались прямо на нас. Почти касаясь друг друга плечами, сомкнув щиты, мы приготовились встретить натиск, нырнув под беспорядочно колющие копья; каждый выбросил вперед правую руку. Четверо валлийцев умерли, надо полагать, за пару мгновений. Видя постигшую их судьбу, следующие отчаянно пытались притормозить, но напор толпы толкал их вперед. Мы убили или ранили еще четверых.

Наступление валлийцев резко захлебнулось. Воины кричали и сваливались в поток. Тела образовывали маленькие плотины. Ручей окрасился кровью. Медленно кружась, проплыл чей-то щит. Крики на французском. Крики на валлийском. Топот копыт – это лошади ринулись прочь от побоища. Над головой пролетали стрелы. У меня отлегло от сердца, так как лучники целились не в нас. Копейщики разделились на три отряда: первый атаковал в лоб, два других устремились на наши главные силы с боков.

Хьюго принял командование и приказал нам встать спинами друг к другу. Образовав крошечный квадрат, мы приготовились подороже продать свои жизни. Хьюго стоял лицом к ручью. Я располагался по левую от него руку, глядя в сторону Стригуила. Едва я успел подумать, как хорошо было бы сейчас оказаться там, за стенами замка, как валлийцы навалились на нас со всех сторон.

Остаток схватки прошел для меня как в бреду. Помню сгнившие до пеньков зубы человека, которого я сразил, и пронзительный вопль другого. До сих пор ощущаю вкус страха, испытанного мной, когда мой клинок засел в щите валлийца. Тот ткнул меня копьем, я извернулся, но острое вспороло мне правую щеку. Шрам сохранился до сего дня. Когда я вскрикнул, валлиец загоготал, но тут щит его опустился. Я высвободил меч и опустил его противнику на грудь. Мощный толчок моего щита опрокинул врага на спину. Кровь ударила фонтаном, когда я вытащил клинок из плоти, и я возрадовался, да простит меня Бог.

К моему удивлению, следующий валлиец предпочел сбежать, а не сражаться со мной.

Вскоре я уразумел причину такого поведения. Мимо нас вниз по склону к ручью промчался на полном ходу могучий всадник в доспехах. Это был Ричард, без шлема; он скакал, опережая своих рыцарей на дюжину шагов.

Душа моя возликовала, когда валлийцы повернулись и побежали. Не думаю, что герцогу представилась возможность обагрить меч. Бой закончился.

Я резко обернулся.

– Хьюго!

– Здесь я.

Мой друг, покрасневший и вспотевший, широко улыбнулся в ответ.

Редко я испытывал такую радость. Она, впрочем, улетучилась мгновением позже: одному из наших не суждено было увидеть Аск, а тем более Стригуил. Он лежал на валлийце, залитый

кровью. Реджинальд, четвертый член нашего отряда, был невредим. Мы обменялись короткими кивками, понимая, что выжили только чудом.

– Герцог, – вполголоса проговорил Хьюго, и я повернулся.

Все, как один, опустились на колени в окровавленный ил.

– Сир!

– Встаньте! – Голос Ричарда звучал ласково. – Хочу поглядеть на парней, остановивших атаку валлийцев.

Мы поднялись.

По глазам Ричарда я понял, что он меня узнал.

– Так это тот ирландец, Руфус! – удивленно воскликнул герцог.

– Да, сир, – сказал я и покраснел.

– Графине известно, что ты здесь? – Ричард махнул рукой. – Не важно. Я воистину рад, что ты оказался тут. Это ведь ты поднял тревогу, так?

– Да, сир.

Я заметил, что за спиной у герцога собирается народ.

– Мы перед тобой в долгу.

Все посмотрели на склон позади нас, усеянный телами убитых, раненых и умирающих лошадей. Оставшихся целыми коней видно не было – они разбрелись, наверное, по половине Уэльса.

– Если бы не ты, – продолжил Ричард, – наши потери оказались бы куда более тяжелыми. Не только в лошадях, но и в людях.

– Я всего лишь поднял крик и побежал к берегу, сир, – возразил я.

– И проявил себя молодцом, – произнес герцог, стиснув мне плечо.

– Спасибо, сир, – прохрипел я. В горле у меня было сухо, как в давно опустошенном мехе с вином.

– Как я погляжу, ты одет так же плохо, как во время первой нашей встречи. У этого гамбезона такой вид, будто в нем свили гнездо мыши, а твой шлем вполне мог носить мой дед.

Из-за спины у герцога раздались смешки. Я слышал, как Хьюго с трудом удерживается, чтобы не прыснуть. Пунцовый от стыда, я пролепетал:

– Все это взято взаймы, сир.

Слыша хохот, я смутился и повесил голову.

– Постарайся остаться в живых к той поре, когда мы вернемся в Стригуил, и у тебя будет хауберк – ничтожная награда за твою храбрость, – сказал Ричард. Он посмотрел на Хьюго и Реджинальда. – Вы тоже не уйдете с пустыми руками.

Воздух наполнился нашими благодарными возгласами. Я ловил на себе неприязненные взгляды рыцарей, дружков Фиц-Алдельма, но меня это не заботило.

Ричард оценил мою отвагу.

Глава 7

Человек не столь великий мог бы отступить после подобного нападения, но намерение Ричарда прийти на выручку Аску только окрепло, и это притом, что от Фиц-Алдельма и его конруа¹⁰ не было никаких вестей. Вместо того чтобы продолжить дневной переход, мы разбили шатры у ручья. Вокруг лагеря выставили сильные дозоры. Отряд из лучников и пехотинцев под началом самого герцога скрылся в лесу на дальнем берегу с целью убедиться, что враг в самом деле ушел. Когда пробившийся сквозь деревья свет заходящего солнца окрасил все в зловеще-багровый оттенок, отряд вернулся, никого не обнаружив.

Вскоре после этого я впервые получил представление о том, насколько жестоким способен быть Ричард. В плен попали девять валлийцев. Те, кто был ранен, не получили никакой помощи, им даже глотка воды не дали. Бедолаг связали вместе и оставили дожидаться возвращения герцога. Он провозгласил этих девятерых изменниками короне и приказал вздернуть на ближайшем дубе. А потом с каменным лицом наблюдал, как приговор приводится в исполнение.

Помнится, я сказал Хьюго, что не одобряю этой казни. Ему она тоже не нравилась, но, по его словам, обернись дело иначе, валлийцы обошлись бы с нами так же, а то и хуже. Он был прав, и я постарался ожесточиться сердцем. Я думал об Уолтере, судьба которого оставалась неизвестной, и представлял себе, что сделаю с тем, кто причинит ему вред.

К наступлению ночи удалось отловить около дюжины коней. Остальные, в том числе принадлежавшие оруженосцам, разбрелись. Двадцать лошадей были убиты или настолько покалечены валлийскими стрелами, что им пришлось перерезать глотку. Еще пять должны были поправиться, но в этом походе участвовать больше не могли. Наши люди непривычны к конине, поэтому Ричард ходил от костра к костру и разьяснял, что надо съесть мясо, иначе оно сгниет или, хуже того, достанется валлийцам.

Вопреки его бодрому поведению и малым потерям, в лагере царило мрачное настроение. Легли мы рано. Несмотря на усталость, сон никак не шел. Я вздрагивал при каждом звуке, представляя валлийцев, крадущихся между палаток с кинжалами в руках. Когда мне удалось прогнать эти видения, на смену им пришли побагровевшие лица, высунутые языки и выпученные глаза, готовые выскочить из глазниц. Повешение – плохая смерть, решил я. Да избавит меня Господь от такой участи.

Когда меня таки сморила усталость, было уже поздно, и я пробудился, заспанный и злой. В последующие часы настроение мое не улучшилось – из-за отсутствия лошади пришлось идти пешком. Вместе с Хьюго и прочими я тащился по пыльной дороге, что вела в Аск. Поскольку кони имелись только у Ричарда, де Шовиньи и отборных рыцарей герцога, все оруженосцы и многие рыцари оказались в том же положении, что и я. Мне от этого ничуть не было легче. Я проклинал валлийцев, жаркое солнце, тучи злющих мух, роившихся вокруг нас. Когда из знойного марева выступил конруа Фиц-Алдельма, лишившийся четверти воинов, я выругался про себя, увидев, что мой враг не погиб. Разведчики привезли весть еще об одной засаде, но не узнали ничего об Аске и Уолтере, и я выругался снова.

Остальная часть похода на выручку осажденному замку не была отмечена особыми событиями, если не считать одного. Оно произошло под самый конец и имело серьезные последствия.

Хотя нам недоставало лошадей, осаждавшие Аск валлийцы обратились в бегство, едва завидев нас. Погони не было – так приказал Ричард. Ему не хотелось рисковать другими конями. На стенах запели трубы, празднуя наш приход, черные от огня ворота со скрипом рас-

¹⁰ *Конруа* – в Средние века так назывался отряд из 5–10 рыцарей, действующих совместно.

крылись. Когда из них повалили ликующие воины гарнизона, мы с Хьюго во все глаза стали высматривать Уолтера.

Но не смогли разглядеть ни друга, ни его хозяина. Сдерживая тревогу, мы говорили себе, что эти двое не успели добраться до Аска, что они могут находиться в другой английской твердыне.

Начальствовал в Аске краснощекий и круглый, как бочка, рыцарь с очень подходившей ему фамилией Легран¹¹. Воздавая громогласную хвалу Господу, он представился Ричарду. Преклонив колени и поблагодарив герцога, он сразу повел его к участку рва близ ворот.

Мои уши резанул гневный рык Ричарда.

Я, Хьюго и еще с полсотни человек поспешили к нему.

Наш друг и его господин распростерлись на дне рва, нагие, как в день появления на свет. Синяки и кровавые порезы покрывали каждый дюйм неестественно белых тел. Уолтер лежал на спине, его симпатичное лицо исказилось в жуткой гримасе. У него не хватало правой руки, но этим увечья не ограничивались. Пах Уолтера был вспорот, и я с ужасом увидел, что парня оскостили. Как, очевидно, и его хозяина.

– Божьи ноги, валлийцы за это заплатят! – рявкнул Ричард.

Я резко смахнул слезы. Я думал о людях, казненных нами вчера, и жалел, что мы не обошлись с ними еще суровее.

Сам того не зная, я сделал тогда первый шаг к тому, чтобы стать одним из людей Ричарда.

Три дня спустя мы вернулись в Стригуил той же дорогой. Смерд гниющих тел висельников наполнил наши ноздри за милю до того, как показался тот могучий дуб. Трупы уже раздулись, вороны выклевали им глаза. Ноги у некоторых были обглоданы дикими зверями. Не у одного меня подкатывало к горлу, пока мы ехали мимо. Ну, Уолтер хотя бы покоится в могиле, подумал я. Их с господином погребли вместе, сшитые льняные покровы скрыли от нас следы ужасных надругательств. Но я ничего не забыл. Глядя, как последние комья мягкой земли падают на то, что некогда было моим другом, я дал торжественную клятву убивать каждого валлийца, до которого смогу дотянуться мечом.

Такой возможности не представилось. Прежде чем уйти в Стригуил, мы прошли по всем дорогам в поисках тех, кто напал на Аск. Взирались и спускались по склонам поросших папоротником холмов. Шлепали, погружаясь до колен, по болотам. Пересекали речки. Нас жгло солнце, грызли заживо комары, мы страдали от голода, жажды и, главное, от неутоленного гнева. Все наши потуги оказались напрасными. Валлийцы ушли. Исчезли. Подобно волкам, отпугнутым от стада пастухом и его собаками, они улизнули обратно в леса и горы.

Ричард переносил тяготы вместе с нами. Разумеется, он больше ездил верхом, чем ходил, но отдал поискам столько же времени, сколько мы. После двух тяжких дней, в течение которых не был обнаружен ни один валлиец, герцог отдал приказ возвращаться в Стригуил. Пора урожая еще не настала, и запасы провизии быстро таяли. Продолжать поход означало подвергать опасности жизни людей, причем без особой нужды; самым разумным было вернуться туда, откуда мы пришли. Я выкроил время для того, чтобы посетить место последнего упокоения Уолтера, принести священную клятву мести и горестно попрощаться с другом.

Ох, эта горячая, нетерпеливая кровь юноши! Я совершенно серьезно относился к каждому слову, произнесенному над могилой Уолтера, и сразился бы с каждым, кто назвал меня лжецом. И все же клятва не была исполнена – его убийца не настигло возмездие. Такое горькое лекарство трудно проглотить, и я, объятый праведным и наивным гневом, не мог осознать целебной его силы. Понадобились многие годы для осознания того, что пути Господни зачастую неисповедимы. Человек, ропщущий против этого, пытающийся бороться, не достигает

---

¹¹ *Le Grand* – большой, толстяк (фр.).

ничего, только разрушает себя изнутри. Смирившийся же с Божьей волей пребывает в здравом уме, когда убийца его товарища по оружию разгуливает на свободе, а предатель остается безнаказанным.

Удрученный, я позабыл о том, что в Стригуиле меня может ожидать холодный прием. Так и случилось. Не прошло и нескольких минут после нашего появления в замковом дворе, как меня заметил майордом. Последовал вызов в большой зал. Его передал надменный писец, неодобрительно смотревший на то, как я трепал по волосам ухмыляющегося Риса, обещая мальцу рассказать все позже.

– Можно мне переодеться? – спросил я. Помимо неумело наложенных заплат и пятен пота, мой гамбезон был испачкан кровью.

Писец бросил на меня высокомерный взгляд.

– Графиня изволит видеть тебя тотчас, – процедил он.

Мне захотелось макнуть его головой в лошадиную поилку, но это только усилило бы наказание, ждавшее меня за самовольную отлучку, так что я проглотил обиду и пошел за ним.

Первой я заметил Изабеллу. Девочка сидела с солнечной стороны у окна, под надзором одной из фрейлин Ифы. Завидев меня, она с радостным визгом вскочила, бросив вышивку. Изабелла проводила нас через весь зал, не обращая внимания на призывы фрейлины вернуться и на кислую мину писца. Она впиалась глазами сначала в красноречивые отметины на моем гамбезоне, потом в обе мои щеки.

– Ты ранен?

– Нет, госпожа. – Припомнив судьбу бедняги Уолтера, я прибавил: – Слава богу.

Лицо Изабеллы стало строгим.

– Это неправильно, что ты ушел без разрешения матушки.

«Если бы я спросил, то получил бы отказ», – подумал я.

– Я беспокоился об Уолтере.

Во взгляде Изабеллы появилась озабоченность, она посмотрела в сторону входа.

– Надеюсь, ты нашел его? Он снаружи?

Иисус и все его святые, промелькнула у меня мысль. Она же ничего не знает. Ричард был еще во дворе, и сама Ифа не слышала доставленных нами новостей.

– Фердия? – В голосе девочки послышалась резкая нота.

– Он умер, госпожа, – сказал я мягко. – Убит.

Порывистый вздох ужаса.

– Мертв?

– Да, госпожа, – сказал я и затем солгал: – Он умер быстро.

Изабелла закрыла рукой рот, на глазах у нее выступили слезы. Она остановилась, пропустив нас вперед. Желая ее утешить, я наполовину обернулся, но писец пихнул меня локтем в бок, напоминая о более важном деле.

Велев мне ждать перед помостом, писец скрылся в апартаментах графини. От резкого напоминания о моем положении – мне никогда не позволялось пересекать эту границу – я помрачнел еще больше. Прошло немало времени, прежде чем показалась Ифа. Одетая в длинное голубое платье, с волосами, убранными под золотую сеточку, она излучала красоту и власть. Со мной она, однако, не поздоровалась – просто уселась и уставилась на меня, не моргая, своими зелеными глазами. Взгляд ее был сердитым.

Стараясь как-то выйти из положения, я глубоко поклонился.

– Госпожа!

– Где ты был?

Ифа говорила на французском, чего никогда не делала во время предыдущих наших бесед.

Не зная, что сказать, поскольку мы оба хорошо знали ответ, я сглотнул.

– Ну? – Ее голос хлестнул меня, как плетью.

– С герцогом, госпожа, – пролепетал я.

– Ты ранен?

Как и Изабелла, графиня обратила внимание на отметины, покрывавшие мой гамбезон.

– Нет, госпожа. Эта кровь... валлийца.

Отлегло у нее на душе или нет, сказать не берусь.

– Оставив нас без разрешения, ты нарушил свое слово.

Щеки мои покраснели от стыда, взгляд уткнулся в сапоги.

– Да, госпожа. Я сожалею.

– Поначалу я подумала, что ты сбежал в Ирландию.

Я поднял глаза.

– Я бы никогда...

– Не перебивай! – На щеках Ифы проступили небольшие алые пятна. Она по-настоящему сердилась. – Герцог снял осаду с Аска?

– Да, госпожа. Валлийцы сбежали, как только мы пришли.

Гадая о том, не стоит ли подробно рассказать про поход, я открыл рот, но строгий взгляд заставил меня умолкнуть. Мне не дали возможности объяснить причины, по которым я примкнул к войску герцога, а также упомянуть о проявленной мною храбрости.

Чувствуя себя десятилетним мальчишкой, которому отец задает трепку, я выслушал приговор Ифы. Мне запрещалось покидать замок до дальнейших распоряжений. Никаких визитов в деревню, в таверну или в аббатство. Даже ристалище оказалось под запретом. Никаких уроков французского. Каждое утро я иду к майордому, и тот дает мне список поручений на день.

Я сносил наказание молча, с ненавистью наблюдая за одобрительными кивками писца, появившегося за спиной у графини.

Самый жестокий удар, как это часто бывает, приберегли напоследок.

– Тебе ни при каких обстоятельствах не дозволяется разговаривать с леди Изабеллой.

Пораженный, я поднял взгляд на Ифу, глаза которой все еще метали молнии.

– Ты понял? – сурово спросила она. Возражения застряли у меня в горле.

– Да, госпожа.

– Нарушишь эти условия – брошу тебя в темницу. Ты уже знаешь, каково там.

– Знаю, госпожа, – ответил я, и перед моим мысленным взором пронеслись неприятные сцены из прошлого.

– Это все.

Она коротко кивнула, давая понять, что я могу идти.

Я еще раз низко поклонился и пошел прочь вместе с писцом, снова оказавшимся рядом.

Изабелла слышала каждое слово. Безмолвная и несчастная, она смотрела, как я прохожу мимо. Я бросил на нее взгляд, в котором читалось: «Мы по-прежнему друзья», но заговорить не посмел, так как писец держался рядом.

До двора было недалеко, сотни две шагов, но время тянулось так, будто я преодолел десять миль. Когда мы вышли во двор, казалось, что все смотрят на нас: солдаты на лестнице и конюхи у дверей конюшни, пьющие вино рыцари и плотник с охапкой досок на плече. Позже я смеялся над своей наивностью. Решение Ифы необратимо изменило мой мир, но, за исключением ее самой, Риса и двух моих приятелей из числа оруженосцев, никому в Стригуиле не было до этого дела.

Следующим утром, вскоре после рассвета, я, все еще чувствуя себя как побитая собака, отправился на кухню с обычным намерением разжиться краюхой теплого хлеба. Там кипела бурная деятельность. Повара деловито крошили продукты и помешивали варево в котлах. Мяс-

ники с красными руками таскали части туш. Мокрые от пота слуги поддерживали огонь в обоих очагах. В одном на вертеле жарилась лань, в другом – упитанный теленок. Внутри клеток из прутьев томились живые птицы, несколько гусей были привязаны за шею к ножке стола. На лавках лежали зайцы и кролики, бекас, жаворонки и цапля. Из печей доносились соблазнительные ароматы: хлеб, а еще, надо полагать, пироги. Угадывались и запахи пряностей, корицы и гвоздики – с этими специями я впервые познакомился в Стригуиле.

Краюх не оказалось там, где они лежали обычно. Я послонялся по кухне, стараясь быть незаметным, но на самом деле просто путался под ногами. Меня то и дело гоняли с места на место, бросая неодобрительные взгляды, когда мои пальцы, как бы невзначай, подбирались к котелку с испускавшей пар пшенной кашей или к кастрюле с цыпленком, приправленным шафраном. В итоге я устроился близ двери, решив дожидаться, когда яства понесут в большой зал.

Наконец один из поваров сжалился надо мной. Добродушный валлиец, коренастый и краснощекий, он частенько говаривал, что я напоминаю его сына, лучника в армии короля Генриха.

– Эй, ирландец! – окликнул он меня. – Проголодался?

– Еще бы!

– У нас тут дел невпроворот, как видишь, – сказал он, но при этом поманил меня к себе. Я повиновался, в животе у меня урчало.

– Это все к обеду? – спросил я. Графиня давала пир в честь избавления Ричардом замка Аск от осады.

– Верно. Мне сказали: «Ничего не жалей. Не каждый день один из сыновей короля отправляется на войну ради Стригуила». – Он снял кусок материи, прикрывавший ряды маленьких свежее испеченных пирожков. – С говядиной и луком. Угощайся.

Я взял один, потом, с одобрения повара, второй.

– Печально было слышать про юного Уолтера, – сказал он.

Рот у меня был набит, и я просто кивнул. Потом, проглотив, сказал:

– Тяжкую он принял смерть.

– Слышал, что ему...

Поморщившись, повар изобразил рубящее движение в районе паха.

– Все так.

– Это мерзко. Мерзко!

Мы покачали головами, а я про себя пожалел, что дозоры, которые собиралась отправить графиня, поедут без меня. Мне оставалось лишь молиться, чтобы убийц Уолтера схватили, и я отдавал себе отчет, что эта молитва едва ли будет услышана.

Перекрывая шум, прозвучал громкий вопрос, и повар засуетился.

– Наелся? – Он засмеялся, когда я ухватил еще один пирожок. – А теперь проваливай, пока майордом не пришел. Он тебе уши надерет и мне заодно.

Я закатил глаза, раздосадованный напоминанием о своем новом положении, которым майордом не замедлил воспользоваться. Накануне он с утра до ночи заставил меня бегать, исполняя поручения. Некоторое время спустя я понял, что многие из них были надуманными, но так как еще не отошел от выволочки, устроенной Ифой, то повиновался беспрекословно.

Вот такое существование ждет меня в обозримом будущем, говорил я себе. Выючное животное. Чернорабочий. Пленник, заточенный внутри Стригуила.

Мне ни на грош не было дела до намечающегося пиршества.

Вопреки себе, я постепенно поддался возбуждению, царившему в замке. Час шестой – на это время было назначено начало – почти уже наступил. Мое настроение улучшилось – во многом благодаря вину, распитому втихую в обществе Хьюго. Ему поручили доставлять вино

из подвала в кладовку, и он взял меня в помощь. Бродя между рядами бочек при тусклом свете лучины, мы разыскивали те, что пометил дворецкий, и поручили дюжине слуг выкатывать их наружу. Как только мы остались одни, Хьюго – вот ведь прохвост! – извлек припасенную пустую флягу. Я с величайшей охотой согласился поддержать ее, пока он вытаскивал пробку из бочки. Прежде чем слуги вернулись за очередной партией, мы успели промочить горло и помянуть беднягу Уолтера. Позднее нам пришлось придумать предлог, чтобы зайти в комнату с конской сбруей – именно там мы спрятали фляжку; это оказалось несложно, так как по всему замку сновали слуги.

Чувствуя внутри приятное тепло, я безропотно исполнял унизительные поручения майордома: таскал его счетную книгу, пока он совершал обход, передавал послания дворецкому, главному повару и так далее. Незадолго до начала пира майордома вызвали к графине, и он не стал возражать, когда я вызвался помогать другим оруженосцам, прислуживавшим своим хозяевам.

– Я буду следить за тобой, – предупредил он, торопясь на зов.

– Пог мо хойн, – пробормотал я по-ирландски. – Поцелуй меня в зад.

Заскочив в уборную, а затем пропустив еще глоточек вина для бодрости, я отправился в большой зал. Хорошо, что я с утра надел свою лучшую тунику, поскольку свернутых одеял и вещей рыцарей и оруженосцев, обычно лежавших вдоль стен, не было видно. Пол покрывала свежая подстилка из тростника и благоуханных трав. Накрытые скатертями столешницы на козлах заполнили зал до самого помоста, на котором был установлен длинный стол. С потолка свисали два огромных стяга: первый принадлежал роду де Клер, на втором красовались анжуйские львы, золотые на красном.

Привлеченные предлагаемым вином, многие рыцари из замка и свиты Ричарда уже расселись на скамьях. Сквозь громкий гул разговоров доносились отчетливые звуки арфы. Проскользнув через толпу слуг, я присоединился к Хьюго, занявшему позицию у боковой стены. Разливая по необходимости вино, мы развлекались, тихонько споря, какие рыцари сильнее всего напьются, и пытаясь угадать, кто из девушек-прислужниц проявляет к нам интерес. В первом случае мы сделали ставку на Фиц-Алдельма и одного из его дружков, во втором пришли к неутешительному выводу: судя по строгим лицам, встречающим наши похотливые взгляды, счастье нам не улыбнется.

Когда графиня и Ричард вышли из ее личных покоев, послышался громкий скрежет отодвигаемых скамей – гости повставали с мест. Раздались приветственные крики. Я охотно присоединился, так как герцог был отличным вождем и храбрым воином.

Пир был самым роскошным из всех, какие я видел до того. Перемены блюд казались бесконечными. В дополнение к привычным супам и мясу, тушеному и жареному, слуги вносили тарелки с диковинными яствами. Тут были оленина в горьковатом соусе, каплуны, цыплята с апельсином и – венец всему – лебедь. Королевская птица была завернута в честь Ричарда в сусальное золото.

И вновь положение оруженосца без рыцаря оказалось мне на руку. Не было нужды стоять у хозяина за спиной, придерживать кусок мяса, когда он собирается его разрезать, подавать ему тарелку с любимым угощением. Хьюго приходилось менять перепачканный соусом поднос, а мне – нет. Зная, что снующий по залу майордом приглядывает за мной, я держал в руке кувшин с вином и следил за тем, чтобы кубки ближайших ко мне рыцарей всегда были полны до краев.

В животе у меня урчало. Время от времени мне удавалось ухватить нетронутый кусочек с уносимого слугами блюда, и я говорил себе, что позже мы с Хьюго наедемся до отвала. Остатков наверняка будет великое множество.

После последней перемены оруженосцы пошли вдоль столов, держа в руках котелки с водой и полотенца, чтобы гости могли помыть руки. Мне не повезло: я оказался близ Фиц-Алдельма, который, бросив на меня злой взгляд, взялся за лежавший на столе нож с костяной

рукояткой. Я сделал вид что не заметил, но эта краткая стычка встревожила меня. Пока рыцарь не удалится вместе с герцогом, стоит быть настороже.

Хьюго ничего не видел. Взгляд его был прикован к помосту в дальнем конце зала. Проследив за ним, я позабыл о своих страхах. Ричард поднимался на ноги.

В комнате повисла звонкая тишина. Кто-то кашлянул, потом снова стало тихо.

Короны на Ричарде не было, но он с ног до головы выглядел настоящим герцогом, истинным сыном короля. Талию его перехватывал расшитый золотой пояс, бросавшийся в глаза на фоне приглушенного пурпурного цвета дорогой туники. Умощенная маслом борода поблескивала, кудри были зачесаны на затылок. Высоко воздев серебряный кубок, он провозгласил тост в честь Ифы, ответившей грациозным кивком.

– Я благодарю графиню за гостеприимство. Она не посчиталась ни с какими затратами, сделала все от нее зависящее, чтобы визит в Стригуил стал приятным для нас. – Ричард снова воздел кубок в направлении Ифы. – За графиню!

– За графиню! – вскричал де Шовиньи.

Загрохотали отодвигаемые скамьи. Пирующие вскочили, подняв кубки, и подхватили тост.

Все еще обиженный из-за наложенного на меня наказания, я сделал вид, что присоединяюсь ко всем.

– Многие из вас были со мной во время похода под Аск, – продолжил Ричард. – К несчастью, не все пошло так, как задумывалось, но замок был спасен, а валлийцы бежали. Я хотел бы задержаться здесь и найти дикарей, виновных в нападении, но пришел вызов от господина моего отца. Графиня тем не менее обещала, что не останется ни одного неперевернутого камня, ни одной непроверенной крысиной норы.

Зал снова огласился одобрительными криками.

Ричард выждал, когда гомон уляжется.

– По дороге на Аск валлийцы устроили бы бойню стократ худшую, если бы не поступок четверых отважных воинов.

Сам себе не веря, я посмотрел на Хьюго. Впавший в уныние после выволочки со стороны Ифы, я напрочь забыл про обещание герцога.

– Эти четверо, все – оруженосцы, стали преградой для валлийской атаки, грозившей перерасти в потоп. Меня печалит, что один из них погиб, но остальные выжили. Я хочу почтить их храбрость. Где они? – Ричард обвел взглядом столы с сидящими за ними рыцарями и тех, кто стоял позади. – Выйдите вперед!

Взволнованный, но еще робкий, я обернулся на Хьюго. Тот от души пихнул меня в спину.

– Не заставляй герцога ждать, – прошипел он.

Пока мы шли к помосту, все в зале смотрели на нас. Реджинальд, прислуживавший у противоположной стены, успел присоединиться к нам раньше, чем мы приблизились к Ричарду. Я бросил быстрый взгляд на Хьюго и Реджинальда: те волновались не меньше меня, и это послужило небольшим утешением. Прodelав остаток пути ровным шагом, мы все одновременно, точно репетировали это движение сто раз, опустили на одно колено.

– Сир! – хором провозгласили мы.

– Встаньте. – Приказ Ричарда прозвучал тепло. Затем он возвысил голос, чтобы все могли слышать: – Пусть эти трое – простые оруженосцы, храбрости им не занимать. Графине повезло, что они состоят в числе ее людей.

Ифа ответила улыбкой. Я ждал того, что случится, и, вполне вероятно, один из всех заметил проблеск негодования в ее взгляде, направленном на меня.

Реджинальду Ричард пожаловал прекрасной работы кинжал в отделанных серебром ножах, а улыбающемуся во весь рот Хьюго вручил новенький куполовидный шлем с приложенной к нему пластиной для защиты лица. Оба также получили по кошелю с серебряными пенни.

Меня герцог оставил напоследок, что в равной мере подхлестывало мое возбуждение и беспокойство.

– Руфус, – сказал Ричард. Лукавый взгляд. – Думаю, следовало бы называть тебя Фердией, но имя Руфус тебе подходит.

– Зовите меня Руфусом, сир, – ответил я, радуясь, что вовсе не испытываю негодования, просыпавшегося, когда так ко мне обращался Фиц-Алдельм.

– Графиня говорит, что ты покинул Стригуил без разрешения.

Сердце у меня упало. Наверняка мне предстоит получить еще одну взбучку, а не награду вроде тех, которых удостоились мои друзья.

Я кивнул:

– Да, сир.

– Ты ведь ирландец. Это не твоя война.

Я постарался как можно тверже встретить взгляд Ричарда.

– Она не была моей, сир. Но я решил, что мой друг Уолтер может находиться в Аске. Я беспокоился за него и хотел помочь.

– Уолтер? – Ричард наморщил лоб. – Не так ли звали того оруженосца, найденного во рву, да упокоит Бог его душу?

– Так, сир.

Я вновь увидел перед собой моего бедного друга, нагого и изувеченного.

– Выходит, в итоге эта драка стала твоей, – проговорил герцог.

– Да, сир.

Меня обуревали смешанные чувства: гордость за то, что я сделал все, что мог, ради Уолтера; стыд из-за того, что я так и не смог его спасти; вина, поскольку я сражался в одном строю с теми, кто, по сути, был моими врагами. На поверхность выплыли противоречия, которые я так долго загонял вглубь. Хьюго и Реджинальд – славные парни, но англичане. Мне следует ненавидеть их, твердил я себе, искоса посмотрев на обоих. Вместо сердитых взглядов я получил в ответ широкие улыбки и тоже улыбнулся им, ощущая не ненависть, а напротив, товарищеское расположение.

Я поднял голову и обнаружил, что Ричард смотрит на меня понимающим взглядом.

– Связи, выкованные в бою, – крепкая штука. Они тверды, как сталь, и так же неподатливы. Человек без раздумий способен отдать свою жизнь за брата по оружию. – Помедлив, герцог добавил: – Именно это, Руфус, ты готов был сделать ради тех оруженосцев, что стоят рядом с тобой?

– Да, сир, – сказал я, подумав о том, что отец тут же отрекся бы от меня за такое потворство англичанам. Но я был не в силах лгать.

Ричард выглядел довольным.

– Это написано у тебя на лице. – Он щелкнул пальцами, появился слуга. Взяв принесенный им хауберк, герцог сделал шаг вперед. – Изрядно поношенный, Руфус, но вполне годный. Прими его в знак моей благодарности за то, что ты сделал у ручья. Храбрый поступок.

Короткие рукава кольчуги в руках у Ричарда выдавали возраст доспеха, как и блестящие новые кольца, вставленные на груди и животе взамен старых. Тем не менее подарок был царским, не имевшим цены. Для меня он был дороже золотой короны.

– Спасибо, сир, – хрипло произнес я, принимая кольчужную рубаху.

Следующим подарком был кошель с серебряными пенни. И снова я выразил благодарность. Судя по весу, этого должно было хватить на собственную лошадь. Воистину королевские дары.

– Тебе следует упражняться во дворе, по крайней мере пока.

В голосе Ричарда послышалась веселая нотка, и я увидел, как он мельком повернулся к Ифе, но та сделала вид, что не заметила.

– Да, сир.

В душе я надеялся, что он попросит графиню смягчить мое наказание, но я знал, что лучше не лезть с просьбами. Склонив голову, я отступил туда, где стояли Хьюго и Реджинальд. Мы поклонились, отошли на положенное расстояние и лишь потом повернулись и возвратились на место.

Ох, эта дерзость молодых! Проходя мимо Фиц-Алдельма, я поймал его кислый взгляд. Не ему достались похвала королевского сына, герцога Аквитании, подумал я, и ценный подарок в виде доспеха. Приподняв тяжелую кольчугу, чтобы он видел ее, я осклабился, понимая, что мой враг ничего не осмелится сделать мне в разгар пира.

Брови Фиц-Алдельма сдвинулись, а губы прошептали проклятие в мой адрес.

Я прошествовал мимо, чувствуя себя так, будто выбил его из седла на турнире.

Наступила уже ночь, а празднество все продолжалось. Ифа давно отошла ко сну, но Ричард, де Шовиньи и десятка два рыцарей оставались за столом, пили и пели. К ним присоединились многие обитатели замка, по большей части те, кто был в походе с герцогом. Но хозяин Хьюго вскоре ушел отдыхать, поэтому друг отыскал меня и Реджинальда в задней части зала. Там мы хорошенько приложились к вину из запасов графини и повели бесконечные разговоры про нашу с Ричардом встречу. Реджинальд, как мог, скрывал зависть к полученным мною дарам, но Хьюго, неизменно добросердечный, без конца повторял, что, раз я поднял тревогу и первым встретил валлийцев, мне полагается главная награда.

Я смущенно возражал, что они с Реджинальдом сражались так же храбро, как я, и были настолько же близки к смерти, но Хьюго и слышать не хотел. На четвертый или пятый раз я бросил эти попытки. Напившись сильнее меня, друг достиг той точки, когда человек перестает прислушиваться к собеседнику. Похлопав его по плечу, я указал пальцем на дверь.

– Уборная. – Язык мой тоже заплетался. – Уборная.

Справив нужду, я решил проветрить голову, поднявшись на стену. И стал взбираться по лестнице. Если повезет, то, когда я вернусь, Хьюго перестанет возносить хвалы в мою честь. Скорее всего, с усмешкой подумал я, он к тому времени уже уснет. Да и для меня самого мысль о собственных одеялах выглядела все более привлекательной.

На идущем вдоль стен мостике не было никого, что меня не удивило. У солдат и лучников был во внутреннем дворе свой праздник: был еще виден догорающий большой костер и несколько растянувшихся на земле фигур. Я повернулся к внешней стороне и облокотился на дощатый парапет, радуясь одиночеству. Глядя через реку, на северо-запад, я ощутил острую тоску по дому. Доведется ли мне вернуться в Кайрлинн? Увижусь ли я с родителями и братьями еще по эту сторону Небес?

Меня охватила печаль, потому как ответа на этот вопрос не было.

На лестнице раздался звук шагов, я обернулся.

Появилась голова, без шлема. Значит, это не часовой, возвращающийся из отхожего места. Быть может, Хьюго, подумал я, обрадовавшись. Он-то поймет, как я хочу снова увидеть мою семью. Его послали в Стригуил, чтобы он учился быть оруженосцем, и Хьюго много лет не виделся с родными.

– Хьюго? – окликнул я.

– Эй! – Человек был крупнее и грузнее, чем мой друг. – Кто тут?

Узнав в незваном госте Фиц-Варина, я приуныл. Какое несчастливое стечение обстоятельств привело его сюда, я не знал и выяснять не собирался, сразу направившись к лестнице.

– Божьи кости, какой-то валлиец пришел, чтобы нас убить!

Не желая, чтобы поднялась тревога и меня обвинили в этом, я с жаром возразил:

– Никакой я не валлиец!

Язвительный смех.

– Я твой корявый говор за милую узнаю, Руфус. Тебе, дворняжка ирландская, французским овладеть не дано.

– А ты на моем языке говорить умеешь? – огрызнулся я.

Он коротко хохотнул.

– А на кой он мне сдался? – Фиц-Варин приблизился, наполняя пространство между нами запахом вина и пота. – В давние времена, быть может, это был язык святых и ученых. А теперь на нем говорят такие, как ты: дикари, которые и задницу толком подтереть не способны.

Ненависть к подобным ему с новой силой всколыхнулась во мне. Но поскольку голова все еще шла кругом от выпитого, острый ответ не шел на язык. Не найдя, что сказать, я сплюнул ему под ноги.

– Английский ублюдок, – сказал я, тщательно стараясь произносить французские слова.

Пьяный или нет, Фиц-Варин мигом накинудся на меня. Его ручищи сдавили мне горло. Я дернулся, чтобы вырваться из хватки, но, уступая в силе, не мог помешать его пальцам сомкнуться вокруг моей шеи. Мы оказались друг к другу близко, точно любовники; его лицо перекосилось от ярости, а мое начало раздуваться. Рыцарь надавил еще сильнее, корчась от напряжения.

Странное безволие захлестнуло меня. Вскоре я лишусь сознания. Фиц-Варин убьет меня, подумал я, видя, как огненные пятна вспыхивают перед глазами, и я ни разу не надену подаренную Ричардом кольчугу.

Странная мысль для человека, находящегося на пороге смерти.

Странно было и то, как внезапно во мне пробудилось жгучее желание выжить.

Собрав все силы, я впечатал колено в пах Фиц-Варину. Вскрик и слегка ослабевшая хватка подстегнули меня. Я повторил прием дважды, причем с последней попытки врезал ему прямо по яйцам. Он выпустил меня, отшатнулся, и я смог глотнуть воздуха. Вопреки боли, пульсировавшей в посиневшем горле, это был один из сладчайших вдохов за всю мою жизнь.

Сдавленное проклятье заставило меня поднять голову. Страх наполнил мое сердце – стоит поддаться ему, и он перейдет в панику. Фиц-Варин еще не покончил со мной. Он снова ринулся вперед, вытянув мускулистые ручищи. Моя правая рука нырнула к поясу в поисках кинжала, но тщетно – я оставил нож на столе, после того как отрезал ломтик сыра.

По правде говоря, я должен был погибнуть. Фиц-Варин был вдвое тяжелее и сильнее меня. Он напал, я присел, уворачиваясь от его цепких пальцев. Верхняя часть его туловища с силой ударилась о край стены, сразу несколько досок сломались с громким треском. Увлекаемый собственной инерцией, рыцарь сорвался с мостка, едва не утащив меня за собой.

Опустившись на колени, я выглянул наружу. В парапете зияла здоровенная дыра. Фиц-Варина не было видно. До моих ушей донесся глухой стук – внизу, у берега. Я испытал облегчение и, вынужден это признать, радость. Мерзавец погиб. Никто не выжил бы после падения с такой высоты.

Миг спустя послышался окрик с дальнего участка стены. К горлу подкатил ком, меня едва не вырвало. Часовой услышал. Меня поймут на месте, с поличным, и обвинят в смерти Фиц-Варина. Теперешнее наказание, назначенное графиней, покажется цветочками по сравнению с карой за убийство.

Мои молитвы были услышаны – часовой находился довольно далеко и не заметил, как я, подобно злодею-убийце, тайком спустился с лестницы. Те немногие, кто оставался в замковом дворе, также не видели, как я вхожу в большой зал. А те, кто оставался внутри, были пьяны в стельку и даже не поняли, что я уходил. Найдя Рису, который, свернувшись, как щенок, спал возле моей лежанки, у дальней стены, я лег и укрылся одеялом. Сердце мое колотилось, пока я ждал тревожного крика часового.

Вскоре он раздался и привлек на улицу немало людей, которые, насколько я понимаю, полезли на укрепления. Я не посмел сделать то же самое и остался лежать, обуреваемый сме-

шанными чувствами. С одной стороны, я боялся, что меня все еще могут уличить, с другой – радовался, что в Стригуиле стало одним моим врагом меньше. Прошло некоторое время. Если не считать храпа, в большом зале царила тишина. Согревшись под одеялом, изрядно пьяный, я провалился в сон.

Мне снились здоровенные лапы Фиц-Варина, сдавливающие мне горло.

Разбудили меня громкие голоса. Я вздрогнул и с трудом удержался от того, чтобы сесть, показав тем самым, что я не сплю. С пересохшим от страха ртом, уверенный, что меня схватят и допросят, я замер, как покойник.

– Как его звали?

Судя по голосу Ричарда, он шагал по залу.

– Фиц-Варин, сир, – ответил Фиц-Алдельм.

– Он должен был поехать к королевскому двору?

– Да, сир. Это был добрый рыцарь.

– Жалкая смерть. Оперся на парапет, прогнившие доски не выдержали и сломались.

– Ну, она была хотя бы быстрой, сир.

– Поднимем кубок в память о нем, – сказал Ричард.

Голоса затихли, удалившись.

Уверившись, что моя роль в гибели Фиц-Варина осталась нераскрытой, я почувствовал, как тяжесть свалилась с моих плеч.

С удивлением поймав на себе взгляд Риса – верно, его разбудил шум, – я приложил палец к губам. Малец кивнул и снова закрыл глаза. Даже если он знает, что я выходил, и заподозрит, что я причастен к случившемуся, то все равно не скажет ни слова. Что до Фиц-Варина, то я не испытываю ни малейших угрызений совести из-за его смерти.

За разные деяния предстоит мне держать ответ перед Господом, но не за это.

Часть II. 1182–1183 годы

Глава 8

Год был в самом разгаре: в воздухе пахло весной, начинался сезон турниров. Однако Уильям Маршал скучал. Стоя в большом шатре Молодого Короля в Ланьи-сюр-Марн, поблизости от Парижа, он наблюдал, как вызванные его господином оружейники предлагают свои товары. В свои тридцать пять Маршал был восемью годами старше Молодого Короля, но сейчас, когда Генрих охал и ахал при виде военного снаряжения, эта разница в возрасте казалась ему чуть ли не вдвое большей. Оружие и доспехи, решил Маршал, привлекают внимание принца меньше, чем одежда или украшения. Нет ничего дурного в том, что наследник престола интересуется подобной мишурой, но все-таки дела государства должны интересовать его в большей мере. Но это было не в характере Молодого Короля. Так продолжалось с тех пор, как Маршал поступил к нему на службу двенадцать лет назад. Человек не может быть талантлив во всем, твердил себе Уильям. Его господин наделен притягательностью, благородством и добрым сердцем: превосходные качества! Тем не менее мысли Маршала то и дело обращались к более серьезным вещам.

Генрих старательно готовил наследника к управлению государством. В пятнадцать лет Молодой Король замещал отца на троне на время его отсутствия, но лишь отбывал номер – развлечения притягивали его сильнее, чем дела королевства. Шесть лет назад, посланный на помощь брату Ричарду во время войны в Аквитании, он явился с опозданием и ушел прежде, чем закончились военные действия. Будь эти случаи единичными, размышлял Маршал, их можно было бы списать на ошибки юности и не забивать голову, но перечень провинностей был бесконечным. В последние годы Генрих мало спрашивал со старшего сына, и Молодой Король чувствовал, что с ним обходятся несправедливо. По его мнению, он не получил ничего, что мог бы по праву назвать своим, тогда как Ричард и Джеффри уже располагали собственными владениями. Каждый раз, когда Молодому Королю доводилось встречаться с Филиппом Капетом, юным французским монархом, он все горше сетовал на судьбу. Это была болезненная тема, обсуждавшаяся постоянно.

Внимание Маршала вновь обратилось к представленному товару – превосходному, решил он. На покрытых материей козлах были разложены рядами новомодные шлемы, закрывающие лицо, – смазанные маслом, начищенные до блеска. Были здесь и хауберки, которые с задней стороны шеи присоединялись к шлему при помощи заклепок – фасон, входивший в моду у молодых рыцарей, – а также дюжины мечей и кинжалов. У стенки шатра аккуратно выстроились остроугольные щиты с нарисованными на них анжуйскими львами.

Молодой Король выбрал меч и стал осматривать клинок. Его создатель, кузнец в новенькой тунике, плохо сочетавшейся с мозолистыми ручищами, принялся расхваливать достоинства изделия:

– Видите, сир? Я выгравировал ваше имя.

Огрубевший палец кузнеца скользнул по стальному лезвию близ рукояти.

Молодой Король присмотрелся, и широкая улыбка озарила красивое лицо. Высокий, широкоплечий, с густой гривой каштановых волос, он напоминал и своего отца в молодости, и брата Ричарда, только выглядел более приветливым.

– Генрих, Молодой Король, победитель всех врагов! – воскликнул он.

Кузнец закивал:

– Я решил, что надпись понравится вам, сир, ведь это истинная правда.

Это была бессовестная ложь, но Молодой Король расправил грудь и посмотрел на спутников, стоявших ближе всего к нему: Адама д'Икбефа и Тома де Кулонса. Те энергично закивали. Маршал считал себя гораздо более умелым бойцом, чем его господин, но не было смысла противоречить или возражать присутствующим соперникам. Выходцы из мелких баронских семейств, они изловчились и вошли в милость к принцу. Маршал не выдал своей досады. Годы, проведенные на службе у наследника Генриха, приучили его сдерживать чувства. Когда взгляд Молодого Короля остановился на нем, Уильям склонил голову, как бы поддерживая мнение.

Заказав меч с инкрустацией, а также подходящий к нему кинжал и ножны для того и для другого, Молодой Король переместился к очередному столу, покинув счастливо улыбающегося кузнеца. Д'Икбеф и де Кулонс следовали за ним по пятам, словно пара голодных охотничьих псов.

Следующий продавец, знакомый Маршалу бронник, внимательно смотрел, как Молодой Король примеряет сначала один шлем, потом другой. Ободренный одобрительными замечаниями покупателя, он прочистил горло и напомнил про баснословный долг по предыдущему заказу.

– Покорнейше прошу простить, что вообще упоминаю об этом, сир, – сказал бронник. – Но прошло уже полгода.

Любезное выражение сошло с лица принца. Он пренебрежительно отмахнулся:

– Я сын короля. Ты все получишь в свое время.

– Благодарю, сир. – Хотя д'Икбеф и де Кулонс угрожающе надвинулись на него, бронник все-таки решил еще раз попытать счастья: – Если бы я мог попросить хотя бы несколько монет, прежде чем вы заберете тот шлем...

– Христос на кресте! – рыкнул Молодой Король так, что бронник вздрогнул. – Ну неужели мне нет спасения от этих стяжателей? Уильям!

Маршал поспешил подойти к господину. Среднего роста, жилистый и мускулистый, он держался уверенно. Волосы были коротко подстрижены на старинный манер, а под длинным носом топорщились усы, которых в то время никто уже не носил.

– Сир?

– Уладь-ка дела с этим малым. – Голос Молодого Короля приглушенно звучал из-под надетого на голову шлема с плоским верхом. – Как тебе этот?

– Он вам очень идет, Хэл, – ответил Маршал, назвав наследника уменьшительным именем, бывшим в ходу среди его родных и друзей.

Бросив предупреждающий взгляд на д'Икбефа и де Кулонса – те сделали шаг назад, – он вполголоса спросил у бронника:

– Сколько должен тебе Молодой Король?

Сумма, две полные марки, была значительной. Тем не менее Маршал дал слово, что она будет уплачена на следующий день. Оставалось понять, где найти эти деньги. Привыкший жить на широкую ногу наследник тратил намного больше получаемых им средств, весьма внушительных. Как ближайший соратник Хэла, Маршал частенько оплачивал его счета. Издержки возмещались лишь время от времени. Уильям, естественно, записывал каждую трату и говорил себе, что, когда его господин взойдет на трон, все долги будут погашены. Либо ему достанется одна из высших должностей в королевстве, твердо решил Маршал про себя. Всего лишь справедливая награда за долгие годы верной службы.

Снаружи послышались шаги. Молодой Король даже ухом не повел. Он восхищался остроугольным щитом, на котором в глаза анжуйских львов были вставлены кусочки стекла. Мастер уверял, что стекляшки будут отражать солнце и слепить врага.

Маршалу достаточно было услышать приветствие, чтобы сообразить, кто пришел. Он поспел ко входу как раз в тот миг, когда сквозь полог вошел, пригнув голову, граф Джефри Бретонский, второй брат Молодого Короля. Не такой великан, как Хэл или Ричард, он тем не

менее был выше большинства мужчин. Его приятное лицо несколько портила почти постоянная ухмылка, которая стала шире при виде Маршала.

– Добро пожаловать, сир. – Маршал опустился на одно колено, с присущим ему умением скрывая неприязнь к Джеффри. – Мы вас не ждали.

– Прекрасно. Хотел удивить брата. – Взгляд Джеффри остановился на Молодом Короле, до сих пор не замечавшем его. – Вот она, наша сорока, в поиске новых блестяшек.

– Ему нужен новый шлем для турнира, сир, – сказал Маршал, едва сдерживая раздражение. Вкусы Джеффри были почти такими же, как у Молодого Короля, о чем свидетельствовал подбитый беличьим мехом плащ с золотой каймой и расшитый драгоценными камнями пояс.

– Ну еще бы, – бросил Джеффри через плечо. – Братец!

Маршал поднялся, стараясь обуздать гнев. Любой другой представитель королевской семьи позволил бы ему встать сразу после приветствия. Но только не Джеффри, этот медоточивый змий. Однако на лице Маршала не отразилось даже тени переживаний. При дворе Молодого Короля, как и при любом другом, всегда следует быть настороже. Людям вроде д'Икбефа и де Кулонса, не переставшим льстить даже при появлении Джеффри, доверять тоже нельзя. Хотя они служили Молодому Королю почти так же долго, как Маршал, этих троих никогда не связывали дружеские чувства.

Балдуин де Бетюн, только что вошедший, был верным товарищем. Остроглазый, великолепный наездник, он был близок Маршалу, как брат.

– Жди беды, или я ничего не смыслю, – шепнул он Маршалу, кивнув в сторону Джеффри.

– И мы ничего не в силах поделать, – ответил тот.

Здороваясь с Джеффри, Молодой Король держался настороженно, но просветлел, когда брат сообщил о намерении присоединиться к нему на турнире, проводимом Филиппом Французским.

– Никто не устоит против нас в поле, – провозгласил Молодой Король.

– Не устоит, – согласился Джеффри и приблизился к брату. – Но победы над французскими рыцарями – не единственная цель моего визита.

Молодой Король, уставший наконец от осмотра оружия и доспехов, бросил на гостя острый взгляд.

– Говори. – Заметив, что Джеффри указал многозначительным взором на присутствующих, в особенности на оружейников, принц добавил: – Каждому из моих спутников я готов доверить собственную жизнь, однако согласен с тобой. Разумнее беседовать там, где не так много любопытных ушей.

Любопытствуя, Маршал с радостью последовал за Молодым Королем, когда тот вышел из шатра вместе с братом. И сделал вид, что не замечает ядовитых взглядов д'Икбефа и де Кулонса, которых не позвали. Де Бетюн остался осматривать оружие, но один из рыцарей Джеффри, худощавый молодой человек с редкими волосами и колючими голубыми глазами, шел рядом с Маршалом.

– Овейн ап Гриффит, сэр, – представился юноша негромко. – А вы – Уильям Маршал.

– Верно. – Маршал усмехнулся, уже привычный к этому. – Прошу простить меня, сэр, но вас я не знаю.

– Неудивительно, сэр, я лишь недавно нахожусь при дворе графа Джеффри.

– Судя по имени, вы из Уэльса, – сказал заинтригованный Маршал. – Немного найдется валлийских благородных семей, состоящих на службе у анжуйского дома. Большая часть из них либо норовит поднять мятеж, либо уже вовлечена в него.

Овейн скроил гримасу.

– Ваша правда, сэр. Мой собственный отец погиб лет десять назад, сражаясь против короля. Меня взяли в заложники, чтобы старший брат, наследник, вел себя должным образом. И послали к королевскому двору в Оксфорд. Граф Джеффри во время последнего своего при-

езда видел, как я упражняюсь на ристалище, и предложил вступить в его дружину. Его господин отец дал мне разрешение, и вот я здесь.

Располагающая улыбка.

Маршал с первого взгляда проникся симпатией к Овейну, судя по всему человеку открытому и честному. Двадцати одного или двадцати двух лет от роду, он провел большую часть жизни при английском дворе и волей-неволей воспринимал себя как наполовину англичанина. Убедившись, что Молодой Король и Джеффри их не слышат – они вели оживленную беседу, – Уильям спросил вполголоса:

– И как вам на службе у Джеффри?

– А как вам Молодой Король?

Откровенный собеседник, подумал Маршал. И неглупый. Он пожал плечами.

– Бывает нелегко, признаюсь, а иногда случаются неприятные вещи. Но в целом я доволен. А вы?

– Покуда и мне не на что жаловаться, сэр.

– Вам известно, что привело сюда графа? Уж точно не турнир.

Овейн слегка смутился.

– У меня есть определенные догадки, сэр, но меня просили не совершать ничего, противоречащего понятиям о рыцарстве.

«Ему эта затея нравится не больше, чем мне», – подумал Маршал, проникаясь к Овейну все большей симпатией.

– Я придерживаюсь того же правила, – сказал он. – Будем надеяться, что нам не придется его нарушить.

Хотя турниру предстояло начаться только на следующий день, в большом лагере кипела работа. Лошадям подновляли подковы. Пажи сновали с поручениями. Оруженосцы, примостившись на стульях, начищали сбрую и оголовье уздечки или острили оружие. На глазах у группы приятелей два полностью оснащенных рыцаря сошлись в пешем учебном бою, ожесточенном, как настоящая схватка.

Молодой Король и Джеффри немного поговорили о матери, королеве Алиеноре, которую король обрек на заточение за участие в предыдущем восстании против него. Седмицу назад Джеффри получил от матери письмо, но отвечать, похоже, не торопился. Молодой Король заявил, что не писал ей уже полгода. У Маршала кольнуло сердце – он лично очень уважал Алиенору, так как служил ей некоторое время, прежде чем поступить в дружину Молодого Короля. Оба они – себялюбивые щенки, решил он.

– Ты всегда был самым любимым моим братом, – сказал Джеффри Молодому Королю.

Лицо Генриха расцвело от удовольствия.

– А ты – моим.

– Мы слишком редко видимся. Это нужно изменить.

Улыбка Молодого Короля стала еще шире.

– Твои слова – музыка для моих ушей.

Джеффри способен уговорить папу римского благословить Люцифера, подумал Маршал. В его заверениях ровно столько же правды, как если бы он сказал, что небо зеленое.

– Ты встречался с Ричардом? – спросил Молодой Король.

Джеффри фыркнул.

– Не видел его уже много месяцев и рад этому. Даже если бы я поскакал в Аквитанию, у него слишком много дел, чтобы принимать гостей. Знать до сих пор недовольна его правлением. Угроза мятежа витает непрерывно.

– Так было всегда. Стоит ему подавить один очаг недовольства, как возникает другой. Как если бы крестьянин пытался погасить вспыхнувшую солому.

– Принц-воин, так прозвали нашего брата, – сказал Джеффри, искоса взглянув на Хэла. – Я слышал, как он говорит это о самом себе.

Джеффри готовился вонзить эту стрелу с самого приезда, подумал Маршал, видя, как вспыхнул Молодой Король. Самого Хэла во Франции прозвали Принцем турниров, и было ясно, какое из двух прозвищ почетнее.

– Но наследник трона – я! – Голос Молодого Короля дрожал от возбуждения. – Это мне предстоит вести полки в битву, даже в Святую землю!

– Конечно, Хэл. И я очень рад этому, – заверил его Джеффри. – Ричард всегда был очень высокого мнения о себе. Скорее всего, он сам выдумал это прозвище.

– Точно. – Это слово в устах Молодого Короля прозвучало как ругательство. – Надо бы подрезать ему крылышки. Напомнить про отведенное ему место.

– Ничто не сделает меня счастливее.

– Папе тоже стоит преподать урок. Он не обращается со мной так, как я того заслуживаю. И тебя тоже притесняет, брат.

– Это верно, – заявил Джеффри, надувшись.

– Сначала Ричард. Как мы это устроим?

– Начало я уже положил, – признался Джеффри. – Слышал про Бертрана де Борна?

– Трубадура? – Молодой Король нахмурился. – Я его не слишком-то жалую.

Маршал знал почему. В одной из своих сирвент, сатирических песен, де Борн высмеял Молодого Короля за нехватку воинского пыла. Это оскорбление глубоко ранило его.

– Постарайся отбросить свою обиду, Хэл. Он не только искусен в обращении с лютней и пером, – продолжил Джеффри. – Ему внимают множество аквитанских баронов. – Молодой Король насупился, и брат положил ему руку на плечо. – Эти люди могут быть нам полезны, и они не друзья Ричарду.

– Ей-богу! – воскликнул Молодой Король, прочитав нечто в глазах Джеффри. – Ты уже с ним договорился?

– Даже лучше. – Улыбавшийся Джеффри напоминал кота, дорвавшегося до миски сметаны. – Я взял его, чтобы он поговорил с тобой.

– Для начала ему следует извиниться.

– Безусловно.

Молодой Король кивнул.

– Отлично.

– Пойдем в мой шатер. Де Борн ждет там, и у него найдется много чего сказать.

«Ах ты, сын погибели!» – подумал Маршал. Он ни на грош не доверял Джеффри, и ему не понравилось только что услышанное. Овейн тоже приуныл. Строить козни и вести переговоры с мятежной знатью против собственного брата – предательство самого гнусного толка. Изменой это не назовешь, ведь заговор не был направлен против Генриха, но ощущение было похожим. И его как слугу Молодого Короля засосет в эту трясику, хочется ему или нет.

Минуло несколько часов, а Маршал все еще сидел в шатре у Джеффри. Возведенный с впечатляющей скоростью шатер был обставлен так же, как обиталище Молодого Короля. Свежескошенная трава на полу. Большая кровать с расшитым балдахином, шелковыми простынями и медвежьей шкурой, в изножье – железный сундук, украшенный орнаментом. На подставке висела кольчуга Джеффри, над ней примостился шлем, остальное снаряжение было сложено внизу. Длинный стол со скамьями по обеим сторонам съедал большую часть свободного пространства. Именно за ним восседали Молодой Король, Джеффри и Бертран де Борн, сдвинув головы и держа в руках кубки с вином.

Теперь они сдружились, но поначалу все было не так. Молодой Король заупрямился, выказывая присущую ему по временам надменность, и пригрозил отхлестать трубадура пле-

тью. Де Борн ответил ядовитой остротой. Потребовалось все искусство Джеффри, чтобы пролить масло на разбушевавшиеся воды, а также искренние извинения со стороны де Борна, и лишь тогда мир был восстановлен.

Разместившись у входа вместе с де Бетюном и Овейном – последний благородно старался не подслушивать, – Маршал находился достаточно близко, чтобы слова долетали до него.

Де Борн объяснил, что в качестве трубадура имеет доступ ко всем: от могущественных баронов до управителей замков и держателей мелких фьефов. Таким образом, открывались широкие возможности, чтобы влиять на недовольную знать Аквитании. Впрочем, пока его усилия мало что дали.

Ущипнув для пущего эффекта струну лютни, де Борн заявил:

– Я сочинил сирвенту в адрес трусливых баронов, и вы никогда больше не услышите от меня о них. Я сломал тысячу шпор, но так и не заставил ни одного идти галопом или хотя бы рысью.

Безжалостность, с которой герцог загасил пламя предыдущего мятежа, похоже, имела долговременные последствия, подумал Маршал. В глубине души он был доволен. Ричард не был его господином, но, если поднимется вся Аквитания, сам король окажется не в силах потушить пожар. Держава Генриха после утраты столь обширной территории ослабеет, а Франция окажется в выигрыше. Отношения между королем и Филиппом в это время были сердечными, но полагаться на их крепость не стоило.

Далее де Борн выказал уверенность, что стоит приложить еще немного усилий – и его работа даст свои плоды.

– Неужели Хэл не видит, как позже скажутся на нем эти козни? – прошептал Маршал.

Де Бетюн покачал головой:

– Не знаю. Если к тому времени, когда он взойдет на трон, беспорядки в Аквитании не улягутся, Филипп сполна воспользуется ими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.